

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ

6(40), 2021

Научный журнал

Журнал «Евразийский Союз: вопросы международных отношений»
включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по политическим наукам

МОСКВА, 2021

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ

Научный журнал

ISSN 2306-5702

УЧРЕДИТЕЛИ:
ООО «Издательство
«Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере
массовых коммуникаций,
связи и охраны
культурного наследия
Рег. № ПИ № ФС77-50417
от 29 июня 2012 г.

Журнал издается
один раз в три месяца

Адрес редакции:
115598, г. Москва,
ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42

Интернет-ресурс:
www.evrzouz.ru
E-mail:
evrzsouz@yandex.ru

Мнение авторов
может не совпадать
с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи,
публикуемые
в журнале подлежат
обязательному
рецензированию.

Журнал включен в базу
РИНЦ (Российский
индекс научного
цитирования)

Компьютерная верстка
Алициферова А.С.

Подписано в печать
24.12.2021

Формат 60×84/8.
Объем 24,3.

Печать офсетная.
Тираж – 1000 экз.
(1-й завод – 500 экз.)
Заказ № 000

Отпечатано
в типографии
ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва,
ул. Щипок, 28
Тел.: (495) 651-84-56

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ, Россия, г. Москва

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА:

главный редактор журнала, доктор политических наук, Россия, г. Москва

доктор исторических наук, Белоруссия, г. Минск

доктор политических наук, Казахстан, г. Алматы

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

ЖИЛЬЦОВ

Сергей Сергеевич

АБРАМОВА

Ольга Дмитриевна

БОЖАНОВ

Владимир Александрович

НАСИМОВА

Гульнар Орленбаевна

АБРАМОВ

Валерий Леонидович

АРУПОВ

Акимжан Арупович

АЮПОВА

Зауре Каримовна

БЕКБОСЫНОВ

Мэлс Боромбаевич

БЛОХИН

Владимир Владимирович

ВЫСОЦКИЙ

Андрей Викторович

ГАЙДУК

Валим Витальевич

ГОНЧАРОВ

Петр Константинович

ГРИШНОВА

Елена Евгеньевна

КАССАЕ НЫГУСИЕ В.

МИКАЭЛЬ

КИРАБАЕВ

Нур Серикович

КОМЛЁВА

Валентина Вячеславовна

КОЗЛОВ

Геннадий Яковлевич

МЕДВЕДЕВ

Николай Павлович

МИХАЙЛЕНКО

Александр Николаевич

МУРАВЬХ

Анатолий Иванович

НЕСТЕРЧУК

Ольга Алексеевна

НАЗАРОВ

Александр Данилович

ОРЛОВ

Игорь Борисович

ОЖИГАНОВ

Элвард Николаевич

САВИНОВ

Леонид Вячеславович

СЛИЗОВСКИЙ

Дмитрий Егорович

СЫЗДЬКОВА

Жибек Сапарбековна

ЯВЧУНОВСКАЯ

Регина Анатольевна

доктор экономических наук, Россия, г. Москва

доктор экономических наук, Казахстан, г. Алматы

доктор юридических наук, Казахстан, г. Алматы

Председатель Попечительского Совета журнала, доктор политических наук, Россия, г. Москва

доктор исторических наук, Россия, г. Москва

кандидат политических наук, заместитель главного редактора научного журнала «Евразийский Союз: вопросы международных отношений», Россия, г. Москва

доктор политических наук, Россия, г. Уфа

доктор социологических наук, Россия, г. Москва

доктор политических наук, Россия, г. Москва

доктор исторических наук, Россия, г. Москва

доктор философских наук, Россия, г. Москва

доктор социологических наук, Россия, г. Москва

доктор исторических наук, Россия, г. Рязань

доктор политических наук, Россия, г. Москва

доктор политических наук, Россия, г. Москва

доктор экономических наук, Россия, г. Москва

доктор политических наук, Россия, г. Москва

доктор исторических наук, Россия, г. Москва

доктор исторических наук, Россия, г. Москва

доктор философских наук, Россия, г. Москва

доктор политических наук, Россия, г. Новосибирск

доктор исторических наук, Россия, г. Москва

доктор исторических наук, Россия, г. Москва

доктор политических наук, Россия, г. Москва

Главный редактор – О.Д. АБРАМОВА (д.п.н.)

Редакционная коллегия

Божанов В.А. (д.и.н., Белоруссия, г. Минск)

Высоцкий А.В. (к.п.н., зам. главного редактора, Россия, г. Москва)

Гончаров П.К. (д.с.н., Россия, г. Москва)

Насимова Г.О. (д.п.н., Казахстан, г. Алматы)

Нестерчук О.А. (д.п.н., Россия, г. Москва)

Медведев Н.П. (д.п.н., Россия, г. Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

- Малахов А.А.* Концепция государства всеобщего благосостояния
в контексте правых идеологических учений 435
- Николенко А.А.* Фрактально-эмерджентное свойство
политической власти русской локальной цивилизации 443

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

- Аюпова З.К.* О социо-культурных особенностях
формирования мировоззрения тюрков..... 448
- Кусаинов Д.У.* Об историко-культурных основах
народов Средней Азии и их влиянии на развитие
монументально-декоративного искусства 458
- Цзю Дун, Ван Цзюньтао, Вовенда А.В.* Международные аспекты
водного законодательства: модели торговли
правами на воду в Китае..... 468
- Музалевский В.А.* Современные темпоральные
исследования в мировой политике 477
- Бацазов Г.Т.* Особенности избирательной системы
в Ливанской Республике..... 490
- Лебедева Е.А.* Механизм выборности при формировании
публичных органов власти в России и Италии 496

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

- Ян Фань.* Анализ истории и тенденций развития
международных отношений между Украиной и Россией
на основе количественных исследований..... 509

РЕЦЕНЗИИ

- Пряхин В.Ф.* Рецензия на статью Сафаровой Ч.Г.
«Факторы, обуславливающие политику Турции в Грузии (1991-2019)»..... 518

НАШИ АВТОРЫ..... 523

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ..... 525

CONTENTS

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Malakhov A.A.* The Concept of the Welfare State
in the Context of Right Various Ideological Doctrines 442
- Nikolenko A.A.* Fractal Emergence Properties
of Political Power of Russian Local Civilization..... 447

THEORY AND HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

- Ayupova Z.K.* About the Socio-Cultural Features
of the Formation of the Worldview of the Turks 457
- Kussainov D.U.* About the Historical and Cultural Foundations
of the Peoples of Central Asia and their Influence on the Development
of Monumental and Decorative Art 466
- Ju Dong, Wang Juntao, Vovenda A.V.* International Aspects
of Water Legislation:
Models of Trade-In Water Rights in China 475
- Muzalevskiy V.A.* Contemporary Temporal Studies in World Politics 489
- Batsazov G.T.* The Circumstances of the Electoral System
in Republic of Lebanon..... 495
- Lebedeva E.A.* The Mechanism of Electability
in the Formation of Public Authorities in Russia and Italy..... 507

STUDENT SCIENCE

- Yang Fan.* Analysis on the History and the Trend
of Ukraine’s Relations with Russia Based on Quantitative Research..... 517

REVIEWS

- Pryakhin V.F.* Review of the Article by Chinara Safarova
Factors Determining Georgian Policy of Turkey (1991-2019)..... 522

OUR AUTHORS..... 524

DEMANDS FOR MANUSCRIPTS..... 525

DOI 10.35775/PSI.2021.40.6.001

УДК 321.01

А.А. МАЛАХОВ

начальник юридического отдела
Федерального исследовательского центра
картофеля имени А.Г. Лорха,
Россия, г. Москва

КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВА ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРАВЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

В контексте правых идеологических учений (консерватизм, либерализм, популизм, фашизм) рассматривается идея государства всеобщего благоденствия как форма общественной организации коллективной жизни нации, в которой общественное благо понимается преимущественно как благосостояние граждан, а государство играет ключевую роль в защите экономического и социального благополучия.

Ключевые слова: государство, благосостояние, благоденствие, консерватизм, либерализм, популизм, фашизм.

Термин «государство всеобщего благосостояния» (1) применяется уже более ста лет. В западной политической науке считается, что развитие государственной системы социального страхования было административной и политической инновацией, масштаб и первостепенная значимость которой сравнимы только с развитием представительной демократии. В современных исследованиях посредством этого термина описывается социальная политика не только всех наиболее развитых богатых демократических государств, но и развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Соответственно, существуют значительные трудности в определении этого понятия, поскольку сегодня широта применения осложняет возможность очерчивания с относительной точностью границ и критериев, в соответствии с которым государственную политику можно было бы определить, как соответствующую государству всеобщего благосостояния. Нет единого мнения у ученых и по поводу временных критериев, когда именно государства всеобщего благосостояния нужно считать созданными.

Следует признать, что в большинстве исследований (несмотря даже на консенсус ученых по поводу того, что даже наиболее развитые из капиталистических государств девятнадцатого века не называются государ-

ствами всеобщего благосостояния), определение точки в континууме расширяющейся социальной политики государств в XX веке в качестве «точки начала» государства всеобщего благосостояния, как правило, несколько произвольно. Однако в самых общих чертах государство всеобщего благосостояния может быть определено как форма общественной организации коллективной жизни нации, в которой общественное благо понимается преимущественно как благосостояние граждан, а государство играет ключевую роль в защите экономического и социального благополучия своих граждан, понимаемых как важное право гражданина, и базовая основа благосостояния всего общества. Оно основано на принципах равенства граждан в праве на достойную жизнь, справедливом распределении богатства и общественной ответственности за тех, кто не может обеспечить себе достойную жизнь без помощи государства.

Термин «государства всеобщего благосостояния» может быть отнесен к различным формам экономической и политической организации общества и государства. В социологии и политологии принято употреблять этот термин для обозначения всей системы социального обеспечения в целом. Кроме того, само понятие, помимо обозначения формы общественной организации, может также применяться по отношению к:

- идеальной – утопической модели социального обеспечения всех граждан, когда государство, вне связи с экономическими или демографическими реалиями, принимает на себя ответственность за обеспечение всестороннего и всеобщего благосостояния всех граждан;
- модели социального обеспечения и социальной защиты (хотя во многих «государствах всеобщего благосостояния», особенно в странах Западной Европы и Скандинавии, социальная защита обеспечивается не только государством, но и его социальными партнерами).

Вместе с тем, государство всеобщего благосостояния, являясь политической концепцией, не может рассматриваться как единое идейно-политическое учение, поскольку адепты различных идеологий по-разному смотрят и на идею благосостояния, и на то, каковы задачи и функции государственных институтов по его обеспечению.

В самых общих чертах, можно выделить левые и правые точки зрения на благосостояние и его обеспечение. В настоящей статье мы рассмотрим понятие благосостояния и представления о государстве всеобщего благосостояния в правых политических учениях.

Консерватизм. В консервативном понимании государства всеобщего благосостояния крайне важна свойственная консервативной идеологии вера в важность незыблемости общественного порядка. Эта идейная позиция находит свое отражение в уважении к традициям, акценте на важности религии и подчеркивании важности неравенства, такого как неравенство классов или каст, как основы для структурированных социальных отношений.

Несмотря на то, что традиционное понимание консерватизма ассоциирует его с защитой традиционных ценностей, таких как работа, семья и государственность, в то время как благосостояние и равенство – это задача второго порядка, тем не менее, консерваторы признают, что благосостояние или его отсутствие имеют последствия для общественного порядка. Кроме того, теологи любят отмечать, что практическая концепция «государства всеобщего благосостояния» происходит не от коммунистов или либералов, а из государства, обычно отождествляемого с консерватизмом – Германии периода правления Отто фон Бисмарка. Столкнувшись с растущей угрозой со стороны немецкого социалистического движения, в 1880-х годах германское правительство учредило четыре программы социального страхования, надеясь погасить растущую популярность социализма и предотвратить революционное восстание. В Соединенных Штатах аналогичной мотивацией руководствовались разработчики Нового курса и социальных программ, имеющих общее название «государство всеобщего благосостояния» [1].

В этом отношении, по своему генезису политика всеобщего благосостояния нацелена не на реализацию социалистических идей, а на предотвращение социалистического движения. Вместе с тем, не существует единого католического понимания благосостояния: большинство авторов комбинирует социальные доктрины церкви, чтобы аргументировать свою научную позицию. Несмотря на то, что позиция церкви по вопросу благосостояния не однозначна, ее публичный интерес к социальным и экономическим вопросам растет, начиная с «*Rerum Novarum*» Папы Льва XIII. Несмотря на то, что эта энциклика была в первую очередь нацелена на определение позиции церкви в связи с угрозой социалистической революции и устранения права частной собственности, Лев также отметил важность роли государства в защите бедных и угнетенных трудящихся масс. По его мнению, когда встает вопрос о защите прав отдельных лиц, бедные и малообеспеченные имеют право на особое внимание. У более богатого класса есть много способов защитить себя, и они меньше нуждаются в помощи государства; тогда как у массы бедных нет собственных ресурсов, на которые можно было бы опереться, и они в основном зависят от помощи государства. Именно по этой причине рабочие, составляющие массы нуждающихся, должны получать особую заботу и защиту со стороны государства.

Со времен написания этой энциклики (1891), забота о бедных стала постоянной темой, развиваемой в рамках католической социальной доктрины. Церковь признала де-факто права рабочего класса, и эти права перечислены в параграфе 301 Компендиума социальной доктрины церкви. К ним отнесены:

- право на справедливую заработную плату;
- право на отдых;
- право на производственную среду и производственные процессы, не наносящие вреда физическому здоровью или моральной неприкосновен-

ности работников; право на защиту личности на рабочем месте без оскорбления совести или личного достоинства;

- право на субсидии, необходимые для существования безработных и их семей;
- право на пенсию и страхование от старости, болезни и несчастных случаев на производстве;
- право на социальное обеспечение, связанное с материнством;
- право собраний и создания ассоциаций.

Католическое учение связывает консерватизм с христианско-демократическим учением. Подобно консерваторам, христианские демократы абсолютизируют социальную роль порядка и стабильности, но в рамках их политической доктрины порядок должен быть достигнут в первую очередь не за счет политики государства, а за счет самоограничения и самодисциплины индивида на моральном личностном уровне. Здесь в наибольшей степени себя проявляет влияние католического учения, подчеркивающего ответственность людей в семьях и местных комьюнити друг за друга. Таким образом, для идеологии христианских демократов характерна идея ограничения роли государства и возложение моральной ответственности за социальное благополучие на отдельного индивида [2].

Послевоенная немецкая политика была основана на консервативном понимании идеи «социального государства», иногда называемой «социальной рыночной экономикой». Первый, центральный принцип ее функционирования заключался в том, что рыночное экономическое развитие является лучшим способом достижения социального благополучия. Структура социальных услуг должна была отражать этот приоритет. Наиболее ярко этот принцип представлен в тесной связи услуг с положением людей на рынке труда. Социальные пособия зависят от заработка, и те, «кто не работает, тот не ест». Менее очевиден, но, вероятно, даже более важен принцип, в соответствии с которым государственные расходы на социальное обеспечение должны быть напрямую совместимы с потребностями экономического развития и роста.

Во-вторых, немецкая экономика и система социального обеспечения развивались через корпоративистскую структуру. Этот принцип был разработан Бисмарком на основе существующих ассоциаций взаимопомощи и впоследствии стал основой социальной защиты. Социальное страхование, которое покрывает расходы на здравоохранение, определенную социальную помощь и большую часть системы поддержания доходов, управляется системой независимых фондов.

В-третьих, упор делается на принцип «субсидиарности». Этот принцип понимается в Германии как означающий, что услуги должны быть децентрализованы или независимо управляться, и что уровень государственного вмешательства должен быть остаточным, то есть ограничиваться обстоя-

тельствами, которые не могут быть адекватно покрыты другими способами. Лица с более высоким доходом не охвачены основной системой социального страхования, но им предоставляется возможность самостоятельно распорядиться ими.

Либерализм. В американской публицистике термин «либерал» часто используется для обозначения приверженца идеологии социал-демократов и других левых политических доктрин. Но в большей части академической литературы термином «либерал» обозначается апологет ценностей классического либерализма. Центральная ценность либерализма и либерального индивидуализма – свобода. Не все свободы одинаково важны; основные либеральные ценности связаны с некоторыми особенно важными свободами, такими как свобода собраний, мнений, слова и вероисповедания.

Либеральное понимание свободы не подразумевает интервенции государства в личное пространство свободы воли человека, а также в экономические и социальные процессы: с позиций либерализма общество является саморегулирующимся организмом, не нуждающимся в губительном вмешательстве государства. Хайек даже утверждает, что любое государственное регулирование, каковы бы ни были его цели и намерения, является потенциальной угрозой для свободы личности; что общество слишком сложно, чтобы государство могло вмешаться в него, не нанеся ему ущерб; и что деятельность свободного рынка, которая представляет собой не что иное, как совокупность действий многих людей, составляет лучшую защиту прав каждого человека.

Либерализм как политическая позиция играет важную роль в защите людей от злоупотреблений властью. Хотя либерализм изначально был радикальной доктриной, с XIX века его также использовали для защиты интересов собственности. «Консерваторы» новых правых – это, как правило, либеральные индивидуалисты, а не консерваторы. Их иногда также называют неолибералами, потому что они сочетают в себе внимание традиционных рыночных либералов с определенной степенью консервативного скептицизма в отношении человеческого поведения и мотивов [5].

Соединенные Штаты иногда называют «либеральным» режимом благосостояния в том смысле, что он представляет индивидуализм, невмешательство, остаточный принцип и карательный подход к бедности. Эти вопросы часто, кажется, доминируют в дебатах о благосостоянии в США: примерами являются введение «трудового пособия», исключение лиц, находящихся на долгосрочной пенсии, и критика «нижнего класса».

Однако в США нет единой системы социального обеспечения. США в основе государственного оправления лежит принцип федерализма, поэтому многие важные функции выполняются штатами, включая государственную помощь, социальную помощь и различные схемы здравоохранения (на Гавайях существует обязательное медицинское страхование и система

здравоохранения, финансируемая государством с 1970-х годов). Недавние реформы здравоохранения усилили это разнообразие. По сравнению с другими развитыми странами, центральное правительство играло ограниченную роль в обеспечении социального обеспечения: основные изменения в федеральном обеспечении приходились на период правления администрации Рузвельта 1930-х годов, которая заложила основы системы социального обеспечения, и «войны с бедностью» 1960-х годов.

На практике США скорее плюралистичны, чем либеральны. Существуют значительные отклонения от остаточной модели – например, государственное образование, социальное страхование или услуги для военнослужащих, ветеранов и их семей, которые в совокупности обеспечивают более 72 миллионов человек. Помимо деятельности на федеральном уровне и уровне штатов, существуют обширные частные, взаимные и корпоративные интересы в обеспечении социального обеспечения. В результате получаются сложные системы: руководящим принципом является не столько принцип последовательного индивидуализма, сколько то, что Класс назвал «децентрализованным социальным альтруизмом» [3]. Разнообразие и сложность имеют свою цену, и, несмотря на – или, возможно, из-за – политической враждебности к обеспечению социального обеспечения, система США также необычайно дорога.

Популизм. Vitrolles предлагает бонус только французским семьям. Популизм был описан как идеология, которая противопоставляет добродетельных и однородных людей ряду элит и опасных «других», которые вместе изображаются как лишаяющие (или пытающиеся лишить) суверенный народ его прав, ценностей, процветания, идентичности и голоса. Это описание стиля политической аргументации как слева, так и справа от политики, как и любой отличительной политической позиции. Популизм часто рассматривается как реакция на социальные изменения, особенно привлекательные для людей, которые чувствуют, что они угрожают их положению.

Популизм основан на представлении о «людях» как о разделяющих взгляды и интересы и способных проявлять общую «общую волю» (обычно интерпретируемую харизматическим лидером). Французский национальный фронт, например, заявляет, что работает «от имени народа». Популистский подход к демократии может быть исключительным. Популистские партии могут быть готовы поддержать обеспечение благосостояния «народа», но они могут с подозрением относиться к благосостоянию посторонних и иммигрантов. В частности, во Франции определенное время существовало положение, согласно которому премиальные выплаты осуществлялись только французским семьям. Впоследствии эта мера была признана незаконной.

Фашизм. Фашизм часто представляется в академической литературе как псевдоидеология, лишенная какой-либо последовательности или системы мышления. Это была политическая позиция, занятая послевоенной

попыткой отрицать романтическую и эмоциональную привлекательность фашистской идеологии, которая основана на авторитарном коллективизме. Личность бессмысленна; коллективность (государство, нация или раса) превыше всего. Фашизм характеризовался сильной социальной повесткой дня; в нацистской Германии стремление к расовому превосходству включало в себя обширное вмешательство государства в общество и экономику с упором на социализацию (как через школьное обучение, так и через молодежные движения) и евгеническую политику.

Евгенические идеологии существовали до фашизма, и, хотя они были дискредитированы своей связью с медицинскими убийствами и холокостом, они вновь проявились в последние годы. Для них характерно убеждение девятнадцатого века, что социально сконструированные характеристики, такие как бедность, преступность или сексуальность, являются врожденными и что они неизбежно найдут способ проявиться, если разведение не будет регулироваться. Неоднократные попытки в социальных науках не нашли эмпирического подтверждения веры в то, что такие характеристики воспроизводятся между поколениями.

Таким образом, идея государства всеобщего благоденствия в контексте правых политических учений базируется на вполне обоснованных и приемлемых принципах устранения социального неравенства в распределении общественного богатства, справедливости в создании достойного уровня жизни людей, равенства возможностей. Консерваторы и христианские демократы полагают, что порядок должен быть достигнут не за счет политики государства, а за счет самоограничения и самодисциплины индивида на моральном личностном уровне. С позиций либерализма общество является саморегулирующимся организмом, не нуждающимся в губительном вмешательстве государства. Популисты основную надежду связывают с проявлением так называемой «общей воли», в которой нетитульные этнические группы, («чужие») рассматриваются как враждебные для благополучия «своих» граждан и потому не должны пользоваться равными возможностями с коренной нацией. Фашизм индивидуальное приносит в жертву коллективному, и в этом отношении он созвучен с идеями социализма. В целом же практическая реализация идеи благосостояния в разных странах имела свою специфику в зависимости от той или иной государственной формы общественного устройства и к настоящему времени нашла свое отражение большей частью в соединении принципов свободы и правовой законности в модели социального государства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Государство всеобщего благоденствия (или государство всеобщего благосостояния, англ. Welfare state) – концепция политического строя, при которой государство играет ключевую роль в защите и развитии экономического и социального благополучия его граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Павроз А.В. Государство всеобщего благоденствия: сущность политики и фундаментальные противоречия // Политика и общество. 2011. № 11.
2. Федоров Л.В. Развитие систем пенсионного обеспечения: теория, концепции, социальная динамика, бюджетно-финансовое совершенствование: монография. М.: Издательство РГСУ, 2016.
3. Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия / пер. с англ. предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М.: Экономика, 1995.
4. An Efficiency Approach to the Evaluation of Policy Changes // The Economic Journal. Apr., 2000. Vol. 110. No. 463.
5. Briggs A. The Welfare State in Historical Perspective // European Journal of Sociology. 1961. Vol. 2. № 2.

A.A. MALAKHOV

*Federal Potato Research Center
named after A.G. Lorkh,
Moscow, Russia*

THE CONCEPT OF THE WELFARE STATE IN THE CONTEXT OF RIGHT VARIOUS IDEOLOGICAL DOCTRINES

In the context of right-wing ideological doctrines (conservatism, liberalism, populism, fascism), the idea of the welfare state is considered as a form of social organization of the collective life of the nation, in which the public good is understood primarily as the welfare of citizens, and the state plays a key role in protecting economic and social welfare.

Key words: *state, welfare, prosperity, conservatism, liberalism, populism, fascism.*

ФРАКТАЛЬНО-ЭМЕРДЖЕНТНОЕ СВОЙСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ РУССКОЙ ЛОКАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Исследуя базовые свойства и властные процессы, протекающие в русской локальной цивилизации, можно отметить ее ключевое свойство – воспроизводящееся подобие различных элементов. Данное обстоятельство дает возможность утверждать о фрактальной структуре власти русской локальной цивилизации. При этом важным фактором становится не только наличие дробности в элементах структур, но и повторяющиеся на всех уровнях единообразие отношений и базовых моделей поведения. Как любая сложная система, русская локальная цивилизация поддерживает структурные основания с помощью не только идентичностных механизмов и отстройки вертикали, но и горизонтальной экспансии пространства смыслов. Актуальность данной статьи заключается в необходимости изучения данных процессов, а также выяснения базовых принципов и оснований существования политической власти в рамках русской локальной цивилизации.

Ключевые слова: русская локальная цивилизация, общественный процесс, фрактальная структура политической власти, цивилизационный подход.

Сегодня необходимо констатировать непреложный факт, что к настоящему моменту научная практика использования фракталов (1) в политологических исследованиях ограничена только теоретической констатацией фрактальности некоторых социально-политических феноменов. Однако изучение фрактально-эмерджентного свойства политической власти русской локальной цивилизации выводит нас, **во-первых**, на новый уровень политического конструирования технологии легитимации и позиционирования властных структур русской цивилизации; **во-вторых**, дает возможность уяснить социокультурные аспекты политических аттитудов, как общий дедант постарших отношений политической истории России; **в-третьих**, фрактальное моделирование политической власти русской локальной цивилизации позволяют обнаружить закономерность и стройную упорядоченность в системе ее цивилизационного развития.

В рамках фрактальной методологии автор выделяет несколько способов моделирования, применимых к социальным и политическим процессам и явлениям. Построение алгебраического фрактала можно рассматривать как *исследование поведения нелинейной динамической системы в фазовом пространстве*. Итерируемая формула (своего рода «генетический код» фрактала) генерирует череду чисел и, тем самым, задает траекторию точки, т.е. поведение системы, в фазовом пространстве. Возможно предположить аналогичность таких структур в социальных механизмах и, частности, в рамках русской локальной цивилизации.

Если рассматривать русскую локальную цивилизацию как сформировавшуюся под воздействием, с одной стороны, исторических прецедентов, создаваемых элитой, с другой – наложением пространственного, политического и социального опыта на систему, то подобный феномен отражает также особый механизм поведения и мышления. Такая совокупность реакций позволяет сохранять своеобразный генотип общественного поведения в рамках длительности как временной, так и пространственной. Аутентичная реакция же предполагает ряд взаимодействий с внешними и внутренними процессами политической истории, изменяющими роль и структуры социальных институтов, которые являются эмерджентными характеристиками.

Базовыми элементами схемы «вызов-реакция» является: «зарождение» – «развитие» – «отчуждение» – «кризис». При этом данное построение определяет цикличность, а, следовательно, самоповтор, который хоть и очерчен рамками исторических контекстов, сущностно не изменяется.

Учитывая, что сформированный периферийный менталитет также усиливает фрактальные структуры, не только воспроизведением в виде представлений о времени как о цикле, но и прохождением этапов стагнации и отчуждения. Кроме всего прочего, в таких условиях конфликтность остается перманентной, замыкая развитие цикла. Базовая эклектичность структур усиливается и за счет сакрализации властных отношений в периоде «зарождение» – «развитие» и десакрализации на этапе «отчуждение» – «кризис».

Рисунок спадов и подъемов имеет четкие признаки самоподобия, так стадия «отчуждения» имеет в основе стремление отказа от идентичности и большей периферийности политического менталитета [2. С. 137]. Стадия, обозначаемая как «развитие», включает в себя идентификационный подъем, зачастую формальный. При этом «анахронический» принцип управления, основанный на проецировании цикличности и периферийности, как на перспективу, так и на ретроспективу, фрактальность подтверждает.

Закрепление таких паттернов социального поведения как апатия и симуляция связаны в свою очередь с цикличным характером управленческих практик, когда цикл состоит из следующих стадий: «стагнация» – «хаос» – «отчуждение» – «восстановление» – «повторная стагнация» иные реакции не имеют возможностей вырабатываться. Кроме того, в рамках цикла существуют крупные этапы: «зарождение» – «развитие» – «кризис».

Все это подтверждает цикличную природу социальных и политических процессов цивилизации, ее замкнутость и воспроизводство одних и тех же сценариев на протяжении всего развития, а, следовательно, фрактальную структуру.

Элементами фрактальных моделей можно считать следующие: отторжение системных частей, с их потенциальной сакрализацией в новом витке цикла. Архаичность [4. С. 174], набирающая внешний атрибутив постмодерна, встраивается в уже существующий культурный шаблон. Отсутствующая постоянная идентичность, то есть базовый миф общества, с одной стороны позволяет применять аккумулятивную практику, с другой – несущая фрустрационный потенциал и тенденцию к деструктивному поведению как со стороны элит, так и общества, позволяет понять периодичность рекрутинговых [5. С. 20] волн и ориентацию узкой ресурсной базы социокультурных шаблонов. Перманентные попытки скрыть культурную фрустрацию идеологичностью и ориентацией на рациональность не дают возможность в полной мере охарактеризовать цикличную природу социальных и политических процессов цивилизации.

Таким образом можно смоделировать фрактальную структуру русской локальной цивилизации и властных отношений внутри нее, как основы фрактальных элементов, стремящихся к аутопоэтическому воспроизведению на всем пространстве русской локальной цивилизации. Центром фрактальной сетки становится субъект управления, именно через него осуществляется создание прецедентов и организация взаимодействия с внешней средой, то есть буферный обмен внешних элементов. Зачастую таким буфером выступает часть элит. Время и пространство при этом отходят на второй план, выступая как контекстуально заданная реальность. При этом существует корреляция между свойствами прецедента и моментом цикла: «стагнация» – «хаос» – «отчуждение» – «восстановление». Свойства русской локальной цивилизации выступают базовыми структурами, субъект управления через ряд прецедентов создает базу для новых элементов, заимствованных извне.

Так как базовыми элементами политической власти в русской локальной цивилизации, исходя из вышесказанного, являются:

- во-первых, стремление к внешне традиционным действиям и решениям;
- во-вторых, проблема наличия традиционных устоев как таковых, решение которых невозможно из-за нестабильности в культурной преемственности;
- в-третьих, перманентный кризис самоидентификации как власти, так и общества;
- в-четвертых, легитимация через «другого», создающая ситуацию «инородности» власти;
- в-пятых, законсервированный потенциал развития, из-за разрозненности и непостоянного процесса эволюции систем.

Можно сделать вывод что, русская власть самовоспроизводится на протяжении тысячи лет, практически без изменений в своей сути, только в контекстуальной составляющей, представляет собой фрактальную структуру еще большей системы. Такой системой является русская локальная цивилизация. Русская власть отражает свойства русской локальной цивилизации, повторяя структуру и особенности цивилизации.

Таким образом и составные части русской власти, как-то: ресурсы, легитимность, архетипы, представления и управленческие структуры являются сегментами фрактала как геометрической фигуры. В тоже время основной сутью как локальной цивилизации, так и власти становятся: отчуждение, архаичные способы взаимодействия, периферийный менталитет. При этом существует связь между фрактальной структурой как формой и агрегатными свойствами политической власти отчуждением, периферийным менталитетом, цикличностью времени. Данная связь прослеживается в проявлении эмерджентных [3. С. 152] признаков русской локальной цивилизации, таких как: – вид индоктринации (либеральный, коммунистический, иной), развитие и масштаб внутреннего конфликта, временной контекст, виток цикла, вид самоидентификационной фрустрации, составляют внешнюю оболочку фрактальной структуры.

Учитывая, что в теории систем появление свойств, не присущих ее элементам в отдельности, то эмерджентность может рассматриваться как способ системы одновременно взаимодействовать с внешними системами, так и распространять собственные свойства во вне при помощи данного механизма.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Фракталом называется структура, состоящая из частей, которые в каком-то смысле подобны целому, при этом главным свойством фракталов является самоподобие: небольшая часть фрактала содержит информацию обо всем фрактале (Прим. авт.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ермоленко В.В.* Город – уникальная открытая корпорация интегрированного духовного и материального общественного производства / В.В. Ермоленко, Д.В. Ланская, М.И. Попова // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 118 (04).

2. *Емченко Д.Г.* Место и роль трансграничного сообщества в этносоциальной структуре общества // Система ценностей современного общества. 2008. № 3.

3. *Крейк А.И.* Некоторые теоретико-методологические основы рассмотрения синергии в социуме // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 1.

4. Левашев Д.Н. Архаичные идентичности: границы влияния на правовое поведение в российском обществе // Гуманитарий юга России. 2019. Т. 8. № 1.

5. Титова Л.Г. Политическая элита в эпоху трансформаций / Л.Г. Титова, О.Н. Титова // Социально-политические исследования. 2019. № 1.

A.A. NIKOLENKO

*Candidate of Political Science, Associate Professor
Department of International Relations and Law,
Vladivostok State University of Economics and service,
Vladivostok, Russia*

FRACTAL EMERGENCE PROPERTIES OF POLITICAL POWER OF RUSSIAN LOCAL CIVILIZATION

Examining the basic properties and power processes taking place in the Russian local civilization, one can note its key property – the reproducible similarity of various elements. This circumstance makes it possible to assert the fractal structure of the power of the Russian local civilization. At the same time, an important factor is not only the presence of fragmentation in the structural elements and the uniformity of relations and basic behaviors repeated at all levels. Like any complex system, the Russian local civilization maintains structural foundations with the help of not only identity mechanisms and vertical adjustment, but also horizontal expansion of the space of meanings. The relevance of this article lies in the need to study these processes, as well as to clarify the basic principles and foundations of the existence of political power within the framework of Russian local civilization.

Key words: *Russian local civilization, social process, fractal structure of political power, civilizational approach.*

О СОЦИО-КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ТЮРКОВ

На просторах Евразии существует и успешно развивается, заявляя громко о себе, Тюркский мир. Как известно, Тюркское государство Казахстана было инициатором создания Таможенного и экономического Евразийского Союза. Тюркский мир намного древнее Русского мира, внутритюркские экономические и культурные связи постоянно укрепляют и консолидируют мир тюрков. В течение последних 25 лет в Турции и многих государствах СНГ было проведено более десятка съездов Дружбы и сотрудничества тюркских государств и народов. В сфере межкультурных связей тюркских народов работает межгосударственная организация ТЮРКСОЙ. В данной статье сделана попытка раскрыть истоки и внутреннее содержание социо-культурных особенностей формирования мировоззрения тюрков и показать особенные и общие элементы в философских рефлексиях.

Ключевые слова: мировоззрение, миропонимание, культура, традиции, этнос, духовный опыт, ислам, этнология религии, культовая практика, тюркский мир.

В современной философии и истории философии науки, философии религии, культурологии и религиоведении в вопросах реконструкции древних мировоззренческих систем и религий исследователи стараются избегать различных дефиниций, как самой мировоззренческой системы или религии в целом, так и той или иной религии или мировоззренческой системы отдельного народа или региона. Следуя тому, что любое мировоззрение является неотъемлемой частью общечеловеческой культуры и носит, в большей степени, общий характер для различных национальных культур и регионов, исследователи все больше обращаются к рассмотрению становления и развития мировоззренческих и религиозных идей, духовного опыта, по своей

сути универсальных. В таком контексте, мировоззрение и религия, как ее часть, являются общими для разных народов, отличаясь при этом национальной спецификой и особенностями, выражающимися в большинстве случаев в ментальном проявлении, этнических традициях и обрядах, культурной практике, отправлениях религиозных обрядов.

Данные приемы обладают спецификой и особенностями, естественно, они проявляются в языке. Если рассматривать язык, как знаковую систему, с помощью которой происходит не просто общение, но и накопление и передача определенной информации, то категории и понятия, вырабатываемые в данной мировоззренческой культуре, являются ключевыми, как для собственно формирования данного мировоззрения, так и для понимания его и коммуникации с ним.

Но здесь возникает еще один вопрос. Отдельные абстрактные понятия и категории, к которым приходят человек, культурная общность в результате своей деятельности формируют мировоззрение, или, определенное устоявшееся мировоззрение, мироотношение и миропонимание вырабатывают категории и понятия? Однозначного ответа, скорее всего, мы не получим. Действительно только в результате практической деятельности, через освоение мира, уже потом в языке образуются определенные знаки, наполненные определенными смыслом и значением, которые впоследствии становятся понятиями и категориями. Но мы имеем способность человека к абстрагированию, интенциональному формированию понятий, на основе которых он формирует или формируется его сознание. Иногда абстрактная идея, облеченная в языковую форму, становится категорией, способной сформировать или изменить то или иное отношение к предмету, или к миру в целом. «Припоминание» Платона или «априори» Канта, феноменология Гуссерля или архетипы коллективного бессознательного Юнга, по сути, являются попыткой философской формализации и обоснования интенциональной способности сознания формировать отношение человека к миру и к себе.

Еще один момент, который нужно отметить. Часто, говоря о тюркской культуре, тюркском мировоззрении исследователи отмечают отсутствие или неразработанность категориально-понятийного, логического аппарата. Насколько это верно?

Если подходить с точки зрения философской системы Аристотеля или Гегеля, или в общем европейской рациональной научной мысли, то, может быть, это имеет место, но и тогда, это взгляд извне, механическое перенесение или сравнение с собственными традициями философско-методологического и логического формирования мировоззрения. Если признать право на существование вообще национального, этнического мировоззрения, его философских оснований, менталитета того или другого народа, мы должны согласиться, что такое мировоззрение невозможно без собственного, категориально-понятийного аппарата, логического основания. Любая культура

в своей истории вырабатывает свой символический и знаковый язык, свои понятия и категории, свою логику бытия.

Очень точно подмечено новосибирскими исследователями мировоззрения тюркских народов Южной Сибири, которые подчеркивали: «Наконец, такие понятия, как «жизнь», «судьба», «счастье», никогда не формулировались в тюркской культуре сколько-нибудь определенно. Строго говоря, то, что мы именуем применительно к тюркскому мировоззрению «понятиями», более соответствует термину «концепт», понимаемому как единица оперативного сознания (образы, представления, понятия, не всегда реализуемые в логической форме). Совокупность концептов, тяготеющих к некоему центральному образу, образует мировоззренческую концепцию (жизни, человека и т.д.)» [5].

На наш взгляд, одним из оснований таких выводов может быть понимание времени и пространства в тюркской культуре. Время – текучее и бесконечное, Пространство – расширяющее и бесконечное (вечное и беспредельное Небо), что дает чувство открытости и времени, и пространства. Тогда не может быть раз и навсегда застывших форм, все течет и изменяется во времени и пространстве, сами явления динамичны. И сознание, следуя такой открытости, не стремится к формализации и обязательной дефиниции, созданию логических схем.

В самом познании бытия открытость дает возможность каждый раз выйти за рамки логических схем, пройти путь деструктуризации и де-логизации. Пройти путь, который в постмодернизме понимается как деконструктивизм – нахождение и восстановление смысла через связи с другими смыслами, или, репрезентация – предложение каждый раз новых смыслов и значений, которые в принципе нельзя укладывать в замкнутую, закрытую систему. Именно в таком контексте рассмотрим основные категории и понятия исследования феномена тенгрианства.

Если обратиться к самому понятию «тенгрианство», то нужно отметить, что в тюркских языках используют два понятия «Танир дин» и «Тандиршилик». В первом случае речь идет о тенгрианстве как о религии, причем в смысловом значении данное понятие передает как бы часть более полного понятия, т.е. оно заключает в себе религиозную составляющую тенгрианства. Второе понятие в тюркских языках как раз и передает значение тенгрианства как мировоззрения, мироотношения. Мир осваивается и понимается через тенгрианство, оно выступает своего рода принципом, основой отношения ко Всему, тенгрианство не просто является руководством для человека, а оно как бы находится внутри него, оно является образом жизни, смысложизненным процессом.

Общеизвестно, что основной и ключевой категорией для понимания тенгрианства является Тенгри. Слово «Тенгри» в древнетюркских письменных памятниках и в «Дивани лугат ат-тюрки» Махмуда Кашгари пишется как

«Танри». В данное время в разных культурных традициях, сохраняя свои основные смысл и значение, оно пишется и читается по-разному: у алтайцев – «Тенри», у якутов – «Танра», у монголов – «Танер», у бурят – «Танери». В некоторых современных тюркских языках (в том числе и казахском) это слово читается и пишется как «Танир». Само слово «Тенгри» прототюркское, впоследствии перешедшее в гуннский язык. Оно состоит из двух корней «Тэн» и «ри», первый корень означает «Небо», второй – «Человек». В современных тюркских языках слово «ер» (ир) означает мужчину.

Термин «Тан» в гуннском и древнетюркском означает зарю, восход, начало всего, когда «свет озаряет все», когда «все просыпается и начинает жить».

Если взять позднее древнетюркское понятие «Тан» – оно также означает равный, половину. Отсюда идея дихотомичного целого, состоящего из единой пары, двух половинок. Не противоположность и противоречие, а именно парность как принцип бытия.

Другой ключевой категорией является «Кок». Этимология тюркского слова «Кок» сложна и неоднозначна. «Кок» понимается и в значении цвета, знатного, священного, божественного. Еще одно значение – гармония, гармония мира.

Сочетание этих двух слов дает еще одно важное понятие, которое отражает одну из ключевых идей тенгрианства – «Кок Танри». Его скорее нужно понимать как «Священный Тенгри» или, точнее, Тенгри как Начало жизни, что соответствует тому, что Тенгри «распределяет» Жизнь и Время, отпущенное человеку, он является источником и началом Жизни, Тенгри как гармония. В данном случае Жизнь выступает как энтелехия Тенгри. Наверное, этим и объясняется «неприятие» и несоответствие тенгрианству, переводов: словосочетания «Кок Танри», как просто «Голубого Неба» или «Кок Турк» – «Голубые тюрки».

Следующая категория, передающая философию Тенгрианства, которая присутствует во всех мировоззренческих системах Востока – это «Жол» (т.е. «Путь», «Судьба»; ср. бур, – монг. «зол» – «счастье», тув. «салымчол» – «Добрая судьба»). Идея Пути – одна из самых генеральных в мировоззрении тюркских народов. «Ак жол», «Жолың болсын» мировоззренческие доминанты духовной культуры любого тюркского народа. Отсюда и олицетворение Пути в тенгрианстве в лице божеств «Ала ат жол Танри», «Кара ат жол Танри».

Понятие «Умай» в тэнгрианстве является примером олицетворения женского начала. В словаре Махмуда Кашгари значение слова раскрывается как последующее. В интерпретированном религиозном понимании тенгрианства Умай понимается как богиня, а в некоторых реконструированных мифологических сюжетах, она даже рассматривается как супруга тенгри, что конечно же, является не только спорным, но и неверным. Скорее всего, нужно полагать, что Умай в тенгрианстве, как в открытом мировоззрении,

можно считать лишь Женским Началом, пониманием особого проявления Природы как покровительницы рожениц, а впоследствии и воинов.

Поверхностное понимание и излишнее мифологизирование древнетюркских письменных памятников поздними интерпретаторами тэнгрианства, привело, на наш взгляд, к еще одной ошибке, когда освящение «Ыдык Жер-Су» трактовалось как их обожествление, и в литературе стали говорить о божестве тэнгрианства «Жер-Су». На самом деле, и в древности, и сейчас в сознании тюркских народов родная Земля и Вода (реки, озера) являются священными, в значении Родина, защищая ее, народ черпает из них жизненную силу.

Понятие «Ыдык» как раз и передает значение освящения, а не обожествления.

В алтайской традиции тэнгрианства у некоторых народов верховное божество называлось «Ульгень» (Олкен). В литературе встречается различная интерпретация данного понятия. Обычно интерпретируют как «олген» – умерший, имея в виду, что Бог распределяет время, отпущенное человеку. Еще одна интерпретация – это «олкен» – большой, могущественный. Наиболее точным этимологически является «улы»-«буук» – ууг» – священный, величественный. Появление наряду с понятием **тэнгри** другого понятия, передающего значение верховного божества, можно понимать и как определенную деградацию самого тэнгрианства, как монотеистической религии, и как позднюю интерпретацию религиозных воззрений алтайских народов, на момент изучения их культуры русскими и европейскими исследователями.

Особое семантическое поле образуют понятия, связанные с категорией «знание». Понятие «**Битиг**» в древнетюркском языке означает Книгу. При этом это может быть и священный текст, передаваемый как в устной, так и в письменной форме. От этого же корня слова «билим» – знание, «битикчи» – секретарь и имя кагана Бильге.

Особое семантическое поле образуют понятия с основой «**тын**» – дыхание. «Тын мен жан шыгады» – вместе с дыханием уходит душа. Понятие «тыныштык» означает мир, покой и спокойствие, отсюда и такое понятие «тынык» – остановка дыхания и кровообращения, т.е. наступление смерти.

Понятие «**тын**» образует другое семантическое поле, связанное с понятиями первозданного, нетронутого, чистого. «Тын жер» – неспаханная, нетронутая, но плодородная земля. «Тын киши» – человек с чистым умом.

Особое место в мировоззренческой системе тюркских народов занимает концепт-понятие «кут» – счастье, благодать, жизненная сила. Это слово, скорее всего, относится к древнему прототюркскому языку и встречается у всех народов Центральной Азии «алтайской» языковой супер-семьи, в том числе тюркских народов, бурят-монголов, маньчжуров, корейцев.

Для понимания концептуальных положений данной главы рассмотрим также ключевые понятия «традиция» и «мировоззрение».

Понятия «традиция», «традиционная культура», «традиционное общество» стали, «приобретая идеологическую окраску, эволюционистской характеристикой неевропейских культур, полюсом бинарной оппозиции «традиция/современность», синонимом «инертных», «холодных», медленно изменяющихся, нединамичных культур» [4]. Поэтому мы используем отличное от стереотипного понимания толкование данных терминов.

Следуя тому, что «традиция – не содержание культуры, а характер происходящих в ней процессов, механизм регулирования некоторых сфер социальной жизнедеятельности», мы рассматриваем концепт «традиция – инновация», как целостную структуру любой культуры, как механизм ее бытия. **Традиция** уже в себе имманентно предполагает **инновацию**, в своей взаимосвязи они выступают как целостность протекающих культурных процессов.

Традиция не может быть застывшей формой. В силу изменения социально-культурных условий традиция трансформируется, она несет в себе инновационный заряд, это диктуется пространственно-временными изменениями.

Традиционная культура и традиционное общество – понятия условные для обозначения тех или иных моментов динамических процессов в культуре, проявляют более гносеологический характер, нежели онтологический.

Под **мировоззрением** обычно понимается «система наиболее общих представлений о мире в целом и месте человека в этом мире» или «система принципов, взглядов, ценностей, идеалов и убеждений, определяющих как отношение человека к действительности, общее понимание им мира, так и его жизненную позицию, жизненную программу деятельности» [3].

Принимая данные определения, мы дополняем понимание мировоззрения, такими важными его аспектами, как динамичность, постоянная изменчивость, открытость.

Мировоззрение – пространственно-временная динамика движения содержания мировоззрения, его компонентов, как постоянное развертывание, обусловленное культурными, социальными, экономическими и политическими изменениями бытия.

Мировоззрение – как интегральное и динамичное образование, связанное с сознанием человека, может быть рассмотрено и как совокупность мироощущения, мирознания, мировосприятия, миропонимания и мироотношения. Что касается понятия «традиционное мировоззрение», то оно также, скорее всего, является условным понятием гносеологического характера, несущим в себе оппозиционность.

Понятие **фальсафа** мы используем для обозначения феномена средневековой философской мысли арабо-персо-индо-тюркской центральноазиатской культуры, который в своей исторической динамике, претерпевая определен-

ные изменения, имеет место быть и в настоящее время. В отношении тюркской культуры в науке часто применяют понятие «традиционное мировоззрение». Мы вводим понятие открытого мировоззрения. Поэтому необходимо разобраться, что такое мировоззрение вообще, что понимается под традиционным мировоззрением, и, наконец, определить открытое мировоззрение.

Здесь можно отразить один философско-мировоззренческий нюанс из нашего недавнего советского прошлого. В марксистско-ленинской философии избегали понятие «мировоззрение». В учебниках по диалектическому или историческому материализму речь шла, в основном, о формах общественного сознания и идеологии. Понимание мировоззрения человека ограничивалось безоговорочным утверждением, что «единственным, последовательно научным мировоззрением, как по своему содержанию, так и по форме выражения, является марксизм-ленинизм» [1]. Философия же являлась лишь орудием в идеологической борьбе. По сути, вопрос обладания человеком определенным мировоззрением заменялся следованием принципам коммунистической морали, как «самой прогрессивной и человеческой морали». А моральный кодекс строителя коммунизма был единственной формой и содержанием мировоззрения, которая навязывалась человеку.

Такой подход, на наш взгляд, диктовался самим содержанием категории «мировоззрение». Во-первых, она является одной из фундаментальных в изучении, как самого человека, так и эпохи, в которой жил этот человек. Поэтому требует самого широкого и беспристрастного исследования. Во-вторых, данная категория требовала от исследователя не просто выработки определенной собственной позиции, но и рассмотрение других позиций, их сравнения.

Сама категория «мировоззрение» несет в себе большой заряд субъективности, человек может и должен определять мир, свое отношение к нему, мировоззрение выступает как проявление свободы духа человека, что, естественно, противоречит тому, что человек должен быть подчинен какой-то всеобщей отвлеченной идее. Вместе с этим она несет в себе и определенный заряд плюрализма, многообразия, возможности свободы воли и выбора.

Наконец, в-третьих, мировоззрение как категория несет в себе и заряд объективности, исследователь мировоззрения должен следовать истине, объективированной истине, иначе любое положение о мировоззрении становится фальшивым. Вопросы мировоззрения не терпят спекулятивных рассуждений. Человеческая субъективность сама по себе выступает критерием истинности того или иного положения о мировоззрении.

Говоря о традиционном мировоззрении, остановимся вначале на понятии «традиция». Это понятие является центральным для понимания культуры, культурной жизни. Иногда даже сама культура определяется через традицию.

Можно говорить, что собственно сама культура является традицией передачи знания и социального опыта от одного поколения к другому. Каждое но-

вое поколение, вступая в жизнь, застаёт, не только, определенные материальные богатства, но и определенную систему ценностей, способы мышления и поведения, в конечном счете, определенное отношение к миру, мировоззрение. И на индивидуальном уровне и на уровне поколений, каждый индивид, новое поколение, вместе с тем, несет в себе заряд субъективности, заряд новой творческой энергии. Происходит взаимодействие этих субъективностей, новой творческой энергии и устоявшегося мировоззрения. В результате этого взаимодействия часть обычаев, обрядов, норм и правил социального бытия принимаются новым поколением, часть обновляется. Традиция несет в себе заряд инновационности, любая традиция потенциально является инновацией, в силу объективности течения жизни, пространственно-временных изменений. Преемственность, последовательность и изменчивость как универсалии жизни обуславливают сохранение и одновременно трансформацию культурной жизни. И если принять это как данность нашей жизни, то мы можем говорить о том, что сохранение ее проявлений, исходящих от истоков, вместе с принятием нового, диктуемого самой жизнью, является объективным процессом и отражает сущность традиции.

На наш взгляд, само понятие традиционного общества (также как и архаичного), или традиционного мировоззрения является искусственным символом, не отвечающим логике и объективности течения человеческой жизни. Оно – продукт европейского рационализма, причем позитивистского мышления Нового Времени.

В представлениях науки европейцев, восточные формы социальной жизни, система ценностей казались им экзотическими, застывшими. Но с чем они сравнивали их? С европейской модернизацией материальной цивилизации или рациональными формами своего социального бытия? Или с европейской идеей эволюции от низших форм к высшим, радикализовавшейся в маниакальности революционного преобразования мира?

Одной из пагубных перипетий рациональности западной цивилизации явилось то, что именно идеи линейного развития, простого эволюционного движения от «варварства» к прогрессу, революционных преобразований были механистически перенесены в духовную сферу, сферу морали и нравственности. Все позволено, что лежит в сфере постижимого разумом. Мы можем изменять и ломать любые духовные и моральные устои. Так, мышление само стало рабом рожденной ею рациональности, идеи всеобщей модернизации. Не сама жизнь стала альфой и омегой европейской цивилизации. Но чистый разум в его проявлениях неизбежно перешагивает границы морали, духовности. Дух и жизнь как противовесы чистой рациональности были отодвинуты на второй план, сама культура рационализировалась, стала конвейерной, на место доминирования духовной культуры, эмоциональности переживаний жизни пришли образцы (именно образцы и не самого высокого качества) художественной культуры и искусства, музыки и все-

поглощающего кино, и удовлетворенность индивидуальным благополучием. Не человек стал создавать культуру, а культура, набор определенных норм и правил подчинили себе человека. Как резюмирует по поводу европейской рациональности Х. Ортега-и-Гассет: «Человеческой жизни всегда были присущи два ее измерения, культура и спонтанность, но только в Европе дело дошло до полного их разведения, до раскола – вплоть до образования двух антагонистических полюсов. В Индии или в Китае ни науки, ни мораль никогда не превращались в независимые от спонтанной жизни силы, устанавливающие свое господство. Мышление восточного человека, будь оно более или менее достоверным и глубоким, никогда не отрывалось от субъекта, дабы обрести отчетливо объективное существование вроде физического закона в сознании европейца.

В заключение подчеркнем, что нет недостатка в точках зрения, согласно которым жизнь Востока кажется более совершенной, чем западная; но восточная культура уступает нашей – в ней значительно меньше степени реализован смысл, который мы придаем термину «культура». Слава и, может быть, трагедия Европы коренятся, напротив, в доведении до самого конца всех следствий этого трансцендентного измерения жизни. Мудрость и мораль Востока никогда не теряла свой традиционалистский характер. Китаец не в состоянии оформить идею мира, опираясь на один лишь разум, на истинность этой идеи. Чтобы присоединиться к ней, убедить себя, ему нужно подкрепить ее авторитетом незапамятного прошлого; он должен найти ей основание в умственных навыках, хранимых расою. Существующее по традиции отличается от существующего от имени культуры. Традиционализм есть лишь одна из форм спонтанности» [2]. Можно добавить к этому, традиционализм есть естественный поток жизни, открытость к инновации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Краткий философский словарь. М.: Проспект, 1997.
2. *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? М.: Наука, 1991.
3. Очерки по истории мировой культуры. Учебное пособие / Под ред. Т.Ф. Кузнецовой. М.: Языки русской культуры, 2007.
4. Современный философский словарь / Под ред. В.Е. Кемерова. М., 2020.
5. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1989.

Z.K. AYUPOVA
*Doctor of Law, Professor of KazNARU,
VNS of the Scientific and Educational Center
Altaistics and Turkology “Big Altai”,
Almaty, Kazakhstan*

ABOUT THE SOCIO-CULTURAL FEATURES OF THE FORMATION OF THE WORLDVIEW OF THE TURKS

In the vast expanses of Eurasia, the Turkic world exists and is successfully developing, loudly declaring itself. As well-known, the Turkic state of Kazakhstan was the initiator of the creation of the Customs and Economic Eurasian Union. The Turkic world is much older than the Russian world; the intra-Turkic economic and cultural ties constantly strengthen and consolidate the world of the Turks. Over the past 25 years, more than a dozen Congresses of Friendship and Cooperation of Turkic states and peoples have been held in Turkey and many CIS countries. The interstate organization TURKSOY works in the field of intercultural relations of the Turkic peoples. In this article we made an attempt to reveal the origins and inner content of the socio-cultural features of the formation of the worldview of the Turks and to show special and common elements in philosophical reflections.

Key words: *worldview, world understanding, culture, traditions, ethnos, spiritual experience, Islam, ethnology of religion, cult practice, the Turkic world.*

ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОСНОВАХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ИХ ВЛИЯНИИ НА РАЗВИТИЕ МОНУМЕНТАЛЬНО- ДЕКОРАТИВНОГО ИСКУССТВА

Основным видом художественного творчества в архитектурном сооружении Средней Азии является монументальная живопись. Высокое развитие монументальной живописи в Центральной Азии возникло в начале первого десятилетия конца XX века. Это способствовало всестороннему развитию всех стран Центральной Азии. На сегодняшний день контроль за всеми регионами без этой монументальной живописи не происходил в мировой истории. Монументальная живопись здесь встречается во многих частях архитектурного сооружения. Особенно необычно выглядели орнаменты. Монументальные изображения стали занимать основное место в стенах и куполах архитектуры. Эти работы часто называли фреска, но это было ошибочное объяснение. В восточной части Средней Азии к стене проследовал сухой штукатуркой с тонким слоем асерового клея-глины или алебастром. Здесь была своеобразная тема и сюжет живописи.

Ключевые слова: история искусств, архитектура, живопись, культура, традиционное сознание, традиции, этнография, монументальные произведения, фасад, интерьер.

Произведения монументального искусства связываются с архитектурой и природой, превращаются в существенное содержание известного архитектурного сооружений или ансамбля. Монументальные изобразительно-тематические элементы фасадов и интерьеров, в зданиях или пространственных композициях традиционно символизируют современные идейные условные правила со своими особенностями. Монументальные произведения, написанные художниками-монументалистами, исполнены с целью сохранения памяти выдающихся деятелей, заслуженных обществу. В их произведениях искусства за основу взяты история древнего времени, важнейшие исторические события, происходящие в нем, но были своеобразные манеры и темы

художников, и они точно связаны с преобладающими изменениями общественной жизни и социальными ситуациями, происходящими в них [3. С. 5].

Как средство распространения служит слово, которое постоянно представляет собой резонанс в климатических условиях стран Центральной Азии на пространстве скульптурного дома. При входе в мечеть или традиционный дом, недостаток космического пространства, особенно в узорах. Прекрасные узоры, которые были сделаны для того, чтобы заставить себя чувствовать себя на Земле благодаря действию самых чудесных творений. В то же время, как и в античных искусствах, арабско-мусульманская культура не создавала таких произведений пластического искусства, как скульптура. Так как рисунок или скульптура против исламского облика живых в образах, и поэтому они, выступают в качестве узоров. Другими словами, эквивалентом пластического искусства арабско-мусульманской культуры является каллиграфия и миниатюра. В исламском мире каллиграфия была высоко оценена и каллиграфы получили высокие награды [7. С. 57].

В связи с историческими периодами на стене сначала был изображен орнамент с основным сюжетом, со временем на передний план вышел орнамент. В соответствии с этим во время раскопок Средней Азии на древних стенах были найдены остатки живописи (например, в Туркменистане Песседжик-Депе). В изображениях, найденных на настенных рисунках, изображены стилизованные фигуры человека и многослойное изображение копытных животных и хищных животных. Эти примеры выражения соответствуют VI тысячелетию до нашей эры. Центры таких древних надписей были найдены в следующих городах (Халчаян, Тупроккала и Дальверзин-Равенна), расположенных на юге Узбекистана, а также в Пенжикенте в Таджикистане. Археологические работы и афганско-советские экспедиции этих регионов охватывают время до н.э. и I в. н.э. На древних стенах архитектурного сооружения были особо представлены две основные инициативы, одна из которых напоминает местные традиции, близкие к древнему иранскому искусству, вторая указывает на эллинский Восток, напоминая греко-римскую культуру из Сирии и Египта.

Древние надписи, найденные в Даливерзин-тепе в эпоху до н.э., очень разрушены. В период становления Великого Кушанского государства были уничтожены первые надписи, а остальные были найдены на полу. На древних настенных рисунках изображен образ богини, ее образ четко обозначил священный обряд.

Семантика культовых сооружений с монументальной живописью Средней Азии отличалась цветами: алая краска, на чистом белом фоне, звучит удивительно и жизнеспособно. Яркость красного цвета смягчают желтые и светящиеся оттенки, которые вместе с красными цветами дают общий теплый (возможно, даже «горячий») цвет, а холодно голубые и зеленые частицы заставляют красным «сияющим» и «деревьям» распылить оттенки.

На мемориальных сооружениях преобладают краски бело-красного цвета, отличающиеся добавлением других цветов, обогащение неслучайно. В казахской культуре оба цвета имеют определенный символ. С белым цветом связываются понятия о священной чистоте, свете, благородстве, гармонии, удачи, законности. Красный цвет: он символизирует страсть, жизнь, энергию, кровь и войну. Но в паре белого цвета образуют двойную систему, общее значение которой выражается понятием «жизнь» [6. С. 710-719].

В трудах Д.Н. Султановой подчеркивается о том, что монументальная живопись в Городище Дальверзин-тепе приобрела особое значение в изучении местной мифологии местности. Здесь исследование интересно и определяет его отношение к традициям народа в свое время или к мифам, написанным извне. Конечно, это, с другой стороны, действительно вызывает интерес и в художественных отношениях. В настенной живописи Дальверзин-тепе отражена своеобразная особенность искусства эллинизма, известного на Востоке. В произведении подчеркивают, что нет иного фонового, а также открытого пространства. На указанной пустой площади изображены цветочные узоры, в том числе ветви, благодаря этим сюжетам производная становится декоративной тканью, раскатанной на стену. Это свойственное отличие заключается в том, что оно характерно для средневекового восточного искусства и изображено, как копия декоративной живописи всего Востока.

Основное действующее цветовое образование в Дальверзин-Тепе обогащено коричневым теплым и розовым цветом, а также цвет изображения иногда тонкий, а иногда отличается черно-коричневыми линиями и приближается к образцу в передней азиатской живописи и Римской живописи. В ней присутствует бесстрашие, неподвижность, отрешенность, в соответствии с такими особенностями, как живопись Фаюмы (Египет). Живопись Средней Азии по-прежнему содержит в употреблении образец живописи эллинизма. Если это не использовало шаблон искусства эллинизма, то возникает мысль о том, что картина была бы отличной, поэтому характер живописи также переносится в том же виде, как и ее стиль был восточным эллинизмом. Этот стиль, введенный в действие, позволяет чередовать и воссоздать традиционные сюжеты и формы.

В эпоху, возглавляемую великим Кушанем, основные направления живописи стран Центральной Азии представлены двумя памятными образцами: религиозное, то есть ему особенно выделяется живопись в буддистских монастырях и живопись в храмах Великого Бога. А второе- светское. К нему можно отнести: изображение сотрудников во дворцах правителей, а живопись в богатых домах может быть необычной). От буддистской живописи древнего времени к сегодняшнему поколению пришли фрагменты картин, которые находятся в центре владычества Кушан. В Кара-Тепе (II-IV вв.) монументальная живопись – это искусство поклонения, которое занимает важ-

ное место в самообразовании мира Сиан и художественной культуры в целом античной Средней Азии. Здесь наблюдалось, что существует не только мусульманская страна, но и другие надежные традиционные образы. Таким образом, возникло новое искусство.

В I тысячелетии до н.э. развитие монументальной живописи Центральной Азии совпадает с Сакским периодом. Многие произведения сакского периода были найдены на территории Узбекистана. Было установлено, что на стенах храма, дворца, жилых домов изображены легенды. Чаще всего полученные темы были из эпических романов. Они были правдоподобно изображены в жилых домах. Пример этому служит щит, найденный в Аму-Дарье, там изображен охотничий сюжет.

В I-м тысячелетии до н.э. была развита монументальная живопись в странах Передней и Центральной Азии (Индия, Китай, Цейлон). В Центральной Азии и Азербайджане развивалось искусство декоративной миниатюры. Образ человека и природы развивался ярко-светлым оттенком, насыщенным красочным, нежным и глубоким описанием его видений. После этой эпохи ахеменид был связан с Ираном. Чаще всего они проявлялись в декоративно-прикладном искусстве.

В Древней цивилизации Хорезма, с дворцов того же места были найдены остатки скульптуры и живописи. В частности, роспись Топраккала создает разнообразный стиль и сюжеты. Роспись здесь: на плотном белом ганче наносится штукатурка минеральными красками, окраска гладкая. Также водили контур черной краской. Причина его очевидна с целью проявления. Цветовое образование создает последовательность белого и черного, синего и голубого, оранжевого, светло-красного, коричневого, фиолетового цветов. На стене еще одного дворца Хорезма обнаружена роспись. В нем изображена нежная картина хорезмских музыкантов. То есть здесь было известно, что, в основном, была взята темы дворца. Особое внимание уделяется монументальной живописи Хорезма, которая стала комнатной женщиной Червона. В ней очень красиво показано женское лицо, обозначенное четким контуром. Композиция очень уместная. Полученные цвета светлые, с большим количеством красных цветов [1. С. 64].

В раннефеодальную эпоху традиционные монументальные настенные живописи были определены в Балалык-тепе, в Варахше (Узбекистан), Пенджикенте (Таджикистан). Если монументальная живопись, найденная во дворце Амира Тимура, противоречит предписанию ортодоксальных мусульман, то его сюжеты значительно меняются. Новая эпоха создает свою собственную идею. Если в основе сюжета лежат народные и рыцарские эпосы, а также изображены лица дихан и витязей, то в последующие годы отображаются современные героические эпизоды и реальные исторические портреты. Таким образом, можно контролировать относительную специфику между VI-VII веками и XVI-XV веками. Известная монументальная

живопись в городке Балалык-тепе была первой средневековой росписью. Начальными темами были застолье, изобилие. Можно посмотреть сюжет, на котором изображен праздник знатных людей.

В VII веке в Центральной Азии был упразднен старый порядок и в новой религиозной доктрине был принят ислам. Самым известным монументальным памятником в Узбекистане стал Варахши, а в Таджикистане- живопись Педжикента. Это были известные школы. Был сформирован свой собственный стиль, манера письма. В Красном зале памятника Варахши изображена роспись, как и в Балалык-тепе. В обоих замкнутый круг выглядит, как бесконечная плоскость. Для художника стены здания обозначают ровную равнину. В нем персонажи были подвижными. Из одной бумаги можно свободно переходить на другую бумагу, а также любой персонаж изображен в движении. Художник ничего не переживал за замыкание персонажа, наоборот, оказал ему поддержку. Из-за такой несовместимости художник добился впечатления замкнутого движения. В росписи Балалык-тепе сохранились единство, время и действие места. В некоторых эпизодах зала Варахши отмечается, что героические подвиги героев были зафиксированы временем. Рисунок Балалык-тепе представлен сухим контуром, в Варахши художник предоставил легкий эскизную манеру. Монументальная живопись Варахши выглядит великолепной, но еще одна художественная живопись была найдена в Пенджикенте. Монументальная живопись отличалась разнообразными типами и формами. Здесь установлено, что необычная монументальная живопись выполнена не только во дворце, но и в храмах и жилых комплексах, в торжественных залах [5. С. 58]. С приходом арабов и проникновением ислама в Согди монументальная живопись не прекратила свое развитие. Но для определения их деталей достаточно много сведений. По причине этого, рассмотрение было сложным. В письменной литературе настенные рисунки при Саманидах (IX-X вв.) часто встречаются в караван сараях Бухары. В древнейших руинах дворца Варахши были найдены настенные рисунки, соответствующие древнему периоду, то есть обозначенные X веком. Здесь изображен всадник, который выстрелил из лука. Этот вид очень похож на настенную роспись Согди. Но наблюдается, что это очень древняя эпоха. В V-X веках резко возрастает монументальная живопись Узбекистана [2. С. 17-25].

Монументальное искусство должно представлять наиболее актуальные творческие идеи в период глобальных социально-политических преобразований, при общественном подъеме, интеллектуальном и культурном процветании, в связи со стабильностью общегосударственного развития. Монументально-декоративное искусство стран Центральной Азии сложилось в древности. Наглядным тому доказательством являются виды живописи, найденные во время раскопок. Особенно важно отметить, что развитие Центрально-Азиатского искусства совпадает с XIII-XV веками. В городе Мерв были обнаружены росписи на стенах. На них были установлены изображения дракона, зайца.

Из настенной росписи Средней Азии, совпадающей с XIV веком, видно то, что она была вершиной развития полихромных и эпиграфических орнаментов. Также стало известно, что развитая иранской школы миниатюры соответствует XIV веку. По этой причине в крупных городах Центральной Азии динамично развивается миниатюрная живопись.

Трудно найти, какая из находившихся здесь миниатюр относится к какой эпохе. Среди них было сложное определение иранской и Центрально-Азиатской монументальной живописи. В связи с этим основателем школы миниатюры Средней Азии стал художник Устад-Гунга, получивший образование и обучение в Китае, родом из Самарканда. Большинство его идей были связаны с национальным мироведением.

В период с XIV-XV вв. сфера изобразительного искусства Средней Азии стремительно возрастает. И в их числе были монументальная живопись и миниатюра. Монументальная живопись здесь была представлена украшением интерьера в архитектурном сооружении, миниатюра- художественным оформлением книги. Монументальную живопись можно было наблюдать из стен мавзолея. Однако видно, что она сохранилась в очень плохом состоянии. В живописи, найденной таким образом, изображен сюжет природы. Их обнаружили только в трех мавзолях города Самарканд. Здесь в природе: ветки дерева, птицы, речной поток. А основные цвета сохранены только: черный, коричневый-красный, голубой. Также наблюдается подпись одного и того же художника. Особый интерес вызвала картина, найденная на одной из стен самаркандских мавзолеев. Это было время правления Амира Тимура. Темы настенных росписей тесно связаны были с жизнью и деятельностью Амира Тимура. Были представлены его портрет, портреты детей. Это было отражено для того, чтобы весь народ знал о своем правителе. В связи с этим это и сегодняшним поколениям наследие.

Тема монументальной живописи на стенах самаркандских дворцов, в основном, связана с важными событиями, происходящими в царстве Амира Тимура. А в 1400 году под руководством Амира Тимура был построен дворец в Гераде. Десятки тем живописи были посвящены сценам военных походов. В этих сценах мы видим, что жанры монументальной живописи того периода были разнообразными. Это- портрет, батальная композиция, жизнь в царском дворце.

С XV века среднеазиатские художники начали изучать западное изобразительное искусство. На этот культурный обмен повлияло развитие торговли центральной империи. Однако связь с западным изобразительным искусством не оказала никакого влияния на центральноазиатское искусство. Традиционная настенная живопись формировались у Амира Тимура и продолжалась при Улукбеке. Во второй половине XV в. монументальная живопись, охватывающая Маверанахр, останавливает свое развитие. Однако, монументальная живопись в других районах успешно развивается.

Там он держит позицию Амира Тимура. В соответствии с этим в Герате были обнаружены росписи с изображением великих походов. А во дворце Тебриза венецианские послы заметили на стене сюжеты сражений, а также видели сюжеты охоты, человека и животных [4]. В Самарканде архитектурные росписи стали носить абстрактно-декоративный вид. Это связано с тем, что новые поиски нашли новую технику. Она называлась кундаль, то есть в ней проявление отличалось цветочно-текстильным узором и полихромным оттенком, а также обилием золотистого цвета.

Из-за обнаружения многих памятников можно сказать, что монументальная живопись Центральной Азии может стать отдельным искусством среди всего восточного искусства. В настоящее время искусство ранней Средней Азии имеет свою долгую историю, где сформированы различные художественные школы, каждая из которых, в свою очередь, имеет свои особенности и традиции. Это отдельные школы, которые возникли и развивались в отдельных пунктах, однако, не являются обособленными явлениями. Они развивались в условиях взаимодействия с другими центрами искусств. Памятники искусства Пенджикента раскрывают здесь индивидуальные особенности школы изобразительного искусства, а также дают богатый материал для описания его связи с другими центрами искусства.

Помимо этих древнейших центров Центральной Азии, сегодня можно отметить современные развитые центры Пенджикента. Там хорошо развивается монументальная живопись. Сюда относятся: Ак Бешим и Красная речка в Северном Кыргызстане, Кува в Восточной Фергане, Аджина-тепе в Южном Таджикистане, Балалык-тепе в Южном Узбекистане. Только в этих центрах сохранилась живопись на Аджине-тепе, что дает очень мало совпадений с искусством Пенджикента. Интерес можно увидеть в живописи Балалык-тепе. Сходство в живописи Балалык-тепе и Пенджикента обнаружил Альбаум. В своем исследовании он сказал, что в Балалык-тепе живописи много элементов. А по пояснениям Ремпеля, здесь говорится только о передаче эпического сюжета. Просмотр этих сцен во дворце Балалык-тепе впечатляет. Он показывает широту кругозора художников того времени.

Наиболее известные центры Средней Азии, где обнаружена монументальная живопись, были следующие: городище Ак Бешим (Северный Кыргызстан), где были обнаружены два буддийских храма и христианская церковь. Из-за плохого сохранения памятника видны лишь фрагменты. Основным сюжетом является буддийский пантеон. Главным героем был образ Будды. А в христианской церкви обнаружены открытые фрески. Второй в Городище Кува (Восточная Фергана) был обнаружен храм. В нем видно, что стены храма покрыты монументальной живописью, было видно из небольших остатков. В храме в городе Аджина-тепе (Южный Таджикистан) наряду с скульптурой обнаружены фрагменты живописи. В Городище Балалык-тепе (Южный Узбекистан) изображение на стене обозначается

древним периодом. Он является одним из средневековых памятников Центральной Азии и советского периода. Стены квадратной формы изображены живописью. В частности, из сохранившегося памятника отображаются фигуры 47 женщин и мужчин. Видимо, картина разделена на две категории. На переднем плане изображены знатные люди, на втором плане изображены крестьяне и служащие. Здесь подробно представлен каждый элемент, до орнаментальных образцов одежды и посуды. Из этой живописи определяется состояние быта того периода. Варахша (Бухарский Оазис), монументальная живопись здесь изображена в открытом интерьере здания. Там представлены росписи стен, живопись отличалась выразительностью письма мастера. Сюжеты похожи на сам дворец. На одной из таких сцен изображен сюжет, где идет прием царского посла над тронем, выполненным изображением крылатого верблюда. На другой стороне этого сюжета изображены солдаты. Во втором Красном зале изображена охота. Отличительной чертой здесь являются тигры, леопарды и фантастические животные, сидящие на слоне. Кроме того, изображены крылатые верблюды. Еще встречается множество фантастических и реальных образов животных. Найдены памятники Древнего Пенджикента (в Самаркандском Согде). В нем произведения искусства очень выдающиеся. Среди этих памятников искусства первое место занимает стеновая роспись.

На сегодняшний день исследователями были найдены более 50 предметов живописи. Росписями обрамлены практически все стены здания, которые даже представлены этажами. Живописью обычно украшают торжественные залы. Каждая такая комната стала своеобразной галереей. Их большая часть уже сгорела. До нас дошли те, на которых в некоторых местах видны пятна и представлены контурные линии. Можно увидеть только фрагменты живописи, спасенной от пожара. Самые основные темы являются эпическими. Такие сюжеты были хороши для создания многофигурной композиции в большой динамике. В некоторых из них неоспоримо отобразилась картина эпопеи Фирдауси «Шахнаме». Кроме того, в живописи прекрасно изображена борьба мужчин с амазонками. Эти сюжеты были взяты из «Шахнаме», и до настоящего времени они сохранились в истории тюркских стран Центральной Азии. Художники Пенджикента эффективно использовали животный эпос и фольклор с целью прекрасного отображения внешнего вида природы. Было известно, что такие сцены возникли бесспорно из рассказа и поговорки, как сюжет таких сцен. Фольклорные сюжеты изображены в живописи Пенджикента и сохранены в тексте современных народных сказок. В изобразительном искусстве Пенджикента, в основном, было содержание реальных представлений, полученных из быта народа. Из жизненных сюжетов проявляется жанровая особенность. В нем были танцы, оркестры, музыканты, игры и охота.

В заключение отметим, что из результатов, полученных в ходе изучения этих особо перечисленных пунктов, наблюдается очень тесная связь памят-

ников в области изобразительного искусства. Причиной стала уникальная тенденция становления и развития изобразительного искусства в Центральной Азии. Ведь живопись дворца Балалык-тепе отличается от живописи Пенджикента. Центральноазиатское искусство не было закрытым от зарубежных художественных центров. Эти центры находились в следующих государствах: Афганистан, Северная Индия, Восточный Туркестан и Иран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бонгард-Левин Г.М.* Древние Цивилизации. М.: Мысль, 1989.
2. Древние пиктограммы Алтайских гор // Гуманитарные науки в Сибири. № 50 (2386). 27 декабря. 2012.
3. *Ергалиева Р.* Концепты традиционного сознания и современная казахская живопись. Учебник: Современное искусство Казахстана: проблемы и поиски. Алматы: Наука, 2017.
4. Петроглифы Северной Евразии. Культура кочевников Евразии – социальная культура // social-culture.ru.
5. *Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.* Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. М.: Искусство, 1995.
6. *Султанова Д.Н.* Возникновение и взаимосвязь монументальной живописи в традиционной архитектуре Средней Азии // Молодой ученый. 2013. № 12 (59).
7. *Таня ал-Харира-Вендель.* Символы ислама / Пер. с нем. СПб.: ДИЛЯ, 2005.

D.U. KUSSAINOV

Doctor of Philosophy,

Professor of KazNPU named after Abai,

VNS of the Scientific and Educational Center

Altaistics and Turkology "Big Altai",

Almaty, Kazakhstan

ABOUT THE HISTORICAL AND CULTURAL FOUNDATIONS OF THE PEOPLES OF CENTRAL ASIA AND THEIR INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF MONUMENTAL AND DECORATIVE ART

The main type of artistic creativity in the architectural structure of Central Asia is monumental painting. The high development of monumental painting in Central Asia arose at the beginning of the first decade of the late twentieth century. This contributed to the comprehensive development of all Central Asian countries. To date, control over all regions without this monumental painting

has not occurred in world history. Monumental painting is found here in many parts of the architectural structure. The ornaments looked especially unusual. Monumental images began to occupy the main place in the walls and domes of architecture. These works were often called frescoes, but this was an erroneous explanation. In the eastern part of Central Asia, the wall was followed by dry plaster with a thin layer of sturgeon glue-clay or alabaster. There was a peculiar theme and plot of painting here.

Key words: *art history, architecture, painting, culture, traditional consciousness, traditions, ethnography, monumental works, facade, interior.*

DOI 10.35775/PSI.2021.40.6.005

УДК 32.327

ЦЗЮ ДУН

*младший научный сотрудник, генеральный секретарь
Центра исследований западного развития
Сычуаньской академии социальных наук, Китай,
ORCID ID: 0000-0003-3325-8123*

ВАН ЦЗЮНЬТАО

*кандидат политических наук, доцент
Высшей школы международных отношений
Гуманитарного института Санкт-Петербургского
политехнического университета Петра Великого,
Россия, г. Санкт-Петербург
ORCID ID: 0000-0003-2315-1138*

А.В. ВОВЕНДА

*кандидат политических наук, старший преподаватель
Высшей школы международных отношений Гуманитарного
института Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого,
Россия, г. Санкт-Петербург
ORCID ID: 0000-0002-9511-8655*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ВОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: МОДЕЛИ ТОРГОВЛИ ПРАВАМИ НА ВОДУ В КИТАЕ

Тематика статьи связана с очень важным аспектом развития современных международных отношений – эффективным и бережливым использованием водных ресурсов в контексте развития государств. Проблематика эффективного использования водных ресурсов лежит не только в экономическом, но и в правовом поле. Реализация сделок по торговле правами на водные ресурсы, как и распределение прав на воду между хозяйствующими субъектами представляются важнейшим элементами внутреннего развития как Китая, так и других государств. В контексте специфики водного права Китая тема статьи представляется особенно актуальной. Целью исследования является выявление особенностей и специфики существующих моделей торговли правами на воду в Китае. Результаты: В Китае рынок торговли правами на воду представлен разными моделями сделок, которые в полной мере раскрывают характер участников сделки, специфику передаваемых прав на водные ресурсы и т.д. Так среди моделей необходимо

выделить: межрегиональную и межотраслевую торговлю водными правами, торговлю водными правами между водопользователями, коллективную торговлю водными правами, «межбассейновую» торговлю водными правами, а также торговлю водными правами в верхнем и нижнем течении рек. Характеристика данных моделей представлена в статье.

Ключевые слова: водное право, водное законодательство, водные ресурсы, модели торговли правами на воду.

Сложная и многоуровневая система управления водными ресурсами в Китае, с учетом специфики регионального развития, требует системного взаимодействия всех управленческих и хозяйствующих субъектов, в контексте существующей в стране проблемы нехватки водных ресурсов на фоне быстрой растущей промышленности. Так ст. 12 «Водного закона Китая» от 2002 года гласит, «в отношении водных ресурсов государство применяет систему сочетания общегосударственного управления с управлением, осуществляемом на разных уровнях и различными отделами...отделы управления водными ресурсами при местных органах власти должны в соответствии со своими полномочиями отвечать за единое управление и контроль водных ресурсов в пределах своих административных районов» [3].

Можно выделить существующий дисбаланс между используемыми водными ресурсами хозяйствующими субъектами, и более того, объемом водных ресурсов, находящихся под управлением одного городского округа или целой провинции по сравнению с соседями. В этом контексте вопросы межрегиональной и межотраслевой торговли водными правами, торговли водными правами между водопользователями, коллективной торговли водными правами, межбассейновой торговли водными правами, а также торговли водными правами в верхнем и нижнем течении являются одними из ключевых в контексте рассматриваемой проблематики.

При этом, «согласно Конституции КНР, вода является, с одной стороны, государственной собственностью, с другой – ресурсом, открытым к доступу для всех, и неоднозначность конституционных положений о водных ресурсах препятствует, в определенной степени, сохранению воды как ресурса, ее эффективному использованию и торговле правами на воду между различными регионами» [9. С. 36].

Так, межотраслевая торговля правами на воду является наиболее распространенной формой торговли правами на воду в Китае. Причина этого заключается в том, что управление водными ресурсами в Китае регулируется системой контроля общего объема (а не отраслевого контроля), что означает, что на общегосударственном уровне административные единицы (регионы) ограничены полномочиями, но при этом у них сохранены достаточные свободы в перераспределении водных ресурсов между отраслями.

Межотраслевая торговля правами на воду – это «торговля правами на воду между различными отраслями промышленности в пределах административного региона без нарушения целевого показателя общего количества воды в административном регионе» [10. С. 72].

Китай находится на стадии быстрой индустриализации и урбанизации, и в контексте необходимой жесткой экономии водных ресурсов, особое внимание уделяется возможностям «повторного» использования воды. Межотраслевая торговля правами на воду в Китае обычно представляет собой преобразование используемых водных ресурсов в сельском хозяйстве для последующего использования в крупных городах и промышленности.

Так, в 2003 году Межведомственная комиссия по реке Хуанхэ дала решение на межотраслевую торговлю правами на воду на участке Нингменг реки Хуанхэ, создав тем самым важный прецедент для последующих практик. Суть данной инициативы заключается в том, что представители промышленного сектора инвестируют в создание оптимальных условий для улучшения хода воды в сельскохозяйственных каналах, с целью экономии водных ресурсов и их последующего использования уже в производственных процессах. Количество сэкономленных водных ресурсов фиксируется, проверяется компетентным департаментом водного хозяйства для подтверждения количества воды, которое может быть выставлено на торги, а затем права на эти ресурсы продаются, при этом время передачи прав обычно составляет более 20 лет. Успешным примером подобной сделки является случаи передачи прав на воду в городском округе Ордос (Автономный район внутренняя Монголия) и в контексте проекта по развитию энергетической и химической промышленности базы Ниндун в Нинся-Хуэйском автономном районе [4].

В рамках данных проектов была реализована пилотная модель преобразования прав на воду «комплексное водосбережение в сельском хозяйстве – преобразование прав на воду на основе сделки – эффективное использование воды в промышленности». Передача сэкономленных водных ресурсов в сельском хозяйстве далее в промышленность в рамках торговой сделки стала базисом в понимании стратегических перспектив и потенциала экономного взаимовыгодного расходования воды [11].

В сочетании со снижением доли сельского хозяйства в связи с быстрой индустриализацией и урбанизацией Китая в последние десятилетия, а также модернизацией сельского хозяйства и использованием водосберегающих установок, необходимо подчеркнуть, что межотраслевая торговля правами на воду предоставляется сегодня весьма перспективной моделью.

Не менее важной моделью торговли прав на водные ресурсы в Китае представляется продажа прав на воду между регионами. Если межотраслевая торговля предполагает торговлю правами между субъектами разных секторов экономики в отдельно взятом регионе, то межрегиональная модель

позволяет использовать ресурсы «соседей». Если существует такая возможность, регион может продать права на водные ресурсы соседнему региону, который остро в них нуждается.

Так, первым примером межрегиональной торговли правами на воду в Китае стала сделка между городскими уездами Иу и Дунъян в провинции Чжэцзян в 2000 году. Показательным примером межрегиональной торговли правами на водные ресурсы также является сделка между городскими округами Эрдос и Баян-Нур в Автономном районе Внутренняя Монголия. Большое количество развивающихся промышленных проектов в Эрдосе потребовало срочно искать дополнительные источники водных ресурсов и Баян-Нур, крупный сельскохозяйственный водопользователь, выступил с предложением продать часть прав на свои водные ресурсы соседям.

Необходимо подчеркнуть, что в 2014 году Министерство водных ресурсов Китая утвердило Автономный район Внутренняя Монголия в качестве пилотного по развитию межрегиональной торговли водными ресурсами, а сделку между городскими округами Эрдос и Баян-Нур стартовым проектом. Так, во-первых, все объекты промышленной инфраструктуры Эрдоса для успешного функционирования которых требовались дополнительные водные ресурсы, прошли соответствующие проверки на всех уровнях правительства и ведомств страны, включая соответствующие комитеты Автономного района Внутренняя Монголия и города Эрдос, для подтверждения целесообразности сделки. Во-вторых, Департамент водных ресурсов Автономного района Внутренняя Монголия выступил с инициативой создания специализированного «Центра хранения и передачи прав на воду» для сбора и хранения информации о продаваемых водных ресурсах Баян-Нура. Такой системный подход, во многом основанный на жестком контроле и координации, позволил проекту успешно развиваться и в настоящее время Баян-Нур уже передал около 120 миллионов кубометров воды в рамках межрегиональной торговли правами на воду сроком на 25 лет [8].

Что касается современных примеров межрегиональной торговли правами на воду внутри страны, то здесь необходимо отметить одну важную особенность – такая модель ограничена границами отдельно взятых провинций. Примерами такого рода торговли водными ресурсами между регионами разных провинций пока найти трудно.

Не менее интересным представляется рассмотрение модели торговли правами на воду между водосборными бассейнами. Так, Хэнань стала провинцией пилотного проекта по торговле правами на водные ресурсы между водосборными бассейнами, утвержденного Министерством водных ресурсов в 2014 году. Территория провинции Хэнань включает в себя четыре основные водные системы рек: Янцзы, Хуанхэ, Хуайхэ и Хайхэ [2]. С одной стороны, наличие таких водных ресурсов позволяет рассматривать провинцию Хэнань как важного игрока на рынке торговли водными ресур-

сами, с другой существующий дисбаланс в распределении водных ресурсов в самой провинции очень серьезен, и вопрос о торговле именно правами на воду между бассейнами представляется ключевым.

Примером сделки по торговле правами между водосборными бассейнами в провинции Хэнань можно назвать проект между городскими округами Чжэнчжоу (уезд Синьми) и Пиндиншань. В Синьми, находящегося вдали от четырех вышеперечисленных рек, резкое падение уровня грунтовых вод, стало основанием для оперативного принятия мер, в частности незамедлительной организации сделки с Пиндиншань по торговле правами на воду в рамках водосборных бассейнов. Данная взаимовыгодная сделка позволила, с одной стороны, решить проблему нехватки воды в Синьми, с другой, рационального использования резервных водных ресурсов Пиндиншаня [6].

Необходимо отметить, что существуют некоторые разногласия по поводу того, является ли данная «межбассейная» торговля водой в провинции Хэнань торговлей правами на воду, а не торговлей непосредственно водой. Тем не менее, существующие дискуссии на этот счет в целом не создают серьезных барьеров по реализации таких сделок, а Китай активно продвигает такого рода проекты, и торговля правами на воду между водосборными бассейнами имеет большие перспективы. Опыт торговли правами на воду между водосборными бассейнами в провинции Хэнань может быть успешно распространен.

В этом контексте представляется логичным дать характеристику еще одной модели торговли правами на водные ресурсы в Китае – торговля правами на воду между верхним и нижним течением. Взаимоотношения хозяйствующих субъектов, расположенных выше или ниже по течению – один из самых важных и сложных вопросов в этой сфере как в Китае, так и мире. У Китая есть успешные и прорывные практики в этом вопросе.

В 2014 году Министерство водных ресурсов Китая ускорило торговлю правами на воду между верховьями и низовьями рек путем реализации пилотного проекта торговли правами на воду реки Дунцзян в провинции Гуандун. Так, власти провинции создали оптимальные условия по реализации сделки между городами Хуэйчжоу и Гуанчжоу по торговле правами на воду между нижним и верхним течением реки Дунцзян.

Еще одним примером такого рода сделок можно назвать проект по доставке чистой питьевой воды из водохранилища Хэюань Синьфэнцзян в Гуанчжоу, чтобы обеспечить стабильный источник питьевой воды для жителей в нижнем течении реки Дунцзян. Проект, стартовавший в 2007 году, успешно реализовывается и сегодня.

Одними из перспективных также представляются модель коллективной торговли правами на воду, предполагающая наличие нескольких участников сделки, и торговля правами между водопользователями, т.е. частными лицами. Коллективная торговля правами на воду была одним из пилотных про-

ектов в семи провинциях КНР в 2014 году. Наиболее успешным оказался опыт провинции Цзянси, в частности, в рамках реализованной программы «Право на воду Цзянси» в районе городского подчинения Дунсян городского округа Фучжоу.

Торговля правами на воду между водопользователями в настоящее время происходит в основном между фермерами, и являются, как правило, краткосрочными, когда вода необходима для определенного цикла орошения в текущем году. Торговля правами на воду между фермерами очень активна в городском округе Чжанье провинции Ганьсу. При условии, что общий объем остается неизменным, права на воду, сэкономленные водопользователями, могут быть проданы по высокой цене, или они могут быть централизованно выкуплены водоканалом по цене 120% от базовой цены на воду [1. С. 11-14]. Тем не менее, чтобы предотвратить спекуляцию ценами, в городском округе было издано постановление, согласно которому «цена при торговле правами на воду должна быть согласована между двумя сторонами сделки с учетом базовой цены на воду, утвержденной государственным департаментом цен, но не должна превышать трехкратную базовую цену на воду».

Согласно исследованиям, степень активности фермеров в сделках с правами на воду во многом зависит от сезонных погодных условий, обильные осадки в период орошения сельскохозяйственных угодий стимулируют частных лиц выходить на рынок сделок по торговле правами на воду.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что сделки по торговле прав на воду сегодня занимают особое место в экономике Китая. Быстрое развитие промышленности, дефицит водных ресурсов, необходимость поиска новых механизмов укрепления системного взаимодействия всех управленческих и хозяйствующих субъектов – все это позволяет сделать вывод о том, сделки по торговле правами на воду будут занимать ключевое положение в стратегическом развитии Китая. В этом контексте особое значение приобретает правовое закрепление подобных сделок в рамках водного законодательства Китая.

Согласно существующим правилам, передаваемые (продаваемые) права на воду в Китае должны быть ограничены той частью права на забор, которая была сохранена благодаря мерам по водосбережению. Поэтому до сих пор существуют некоторые разногласия по поводу определения передаваемых (торгуемых) прав на воду: можно ли торговать водой, которая не является частью права на забор, можно ли повторно торговать правами на воду, полученными в результате торговли, можно ли использовать избыточную емкость водохранилища для торговли и можно ли торговать правами на водопользование сельских коллективных хозяйственных организаций [5. С. 34-37].

Для получения права на воду с целью последующего выхода на рынок торговли правами на водные ресурсы, необходимо иметь четкое определение прав собственности, что является необходимым юридическим условием

для сделок. Регистрация и сертификация прав на воду является фундаментальной частью построения системы прав на воду, которая является важным средством уточнения прав и интересов собственника, реализации торгового поведения, поощрения водосбережения и избежания споров [7].

Права на воду, которые являются объектом потенциальной торговой сделки, сначала должны быть зарегистрированы. Существует два основных типа выдачи прав: первый – для районов орошения и крупных водопользователей, таких как гидротехнические сооружения, где результатом выдачи прав является лицензия на забор воды. Второй – индивидуальные и коллективные, в основном сельские и фермерские хозяйства, которые заявляют подтвержденные посевные площади (т.е. утвержденные поливные площади для водопользователей) и квоты сортов культур на публичные слушания, с целью последующего получения соответствующих сертификатов права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ван Кайхун. 汪开宏. Ши ян хэ лю юй лян чжоу цюй шуй цюань чжи ду гай гэ де сы као. 石羊河流域凉州区水权制度改革的思考. [Мысли о реформе системы прав на воду в районе Лянчжоу, бассейн реки Шиян] // Чжун го нун цунь шуй ли шуй дянь. 中国农村水利水电. [Охрана водных ресурсов и гидроэнергетика в сельских районах Китая]. 2010. № 9.

2. Ван Хайтин. 王海. Чанцзян цзинцидай гуйхуа ганяо фабу тучу шэнтай хуаньцзинь баоху. 长江经济带规划纲要发布突出生态环境保护. [Обнародован план создания экономической зоны реки Янцзы, в котором особое внимание уделяется охране окружающей среды] // 21 шицзи бао дао. 21. 世纪经济报道. [Вестник бизнеса века]. 2016.

3. Водный закон Китайской Народной Республики (Приказ председателя № 74) // Веб-сайт Центрального народного правительства Китайской Народной Республики, август 2002 года.

4. Крупнейший одиночный проект по ожижению угля в мире // <https://finance.rambler.ru/other/40573530-krupneyshiy-odinochnyy-proekt-po-ozhizheniyu-uglya-v-mire/>.

5. Ли Цзин. 李晶. Чжун го шуй цюань чжи ду цзянь шэ цзинь чжань юй янь пань. 中国水权制度建设进展与研判. [Прогресс и суждение о строительстве системы водных прав Китая] // Шуй ли фа чжань янь цю. 水利发展研究. [Исследования в области охраны водных ресурсов]. 2014. № 1.

6. Ми Фанцзе. 米方杰. Синь ми сян пин дин шань май шуй «цзе кэ». 新密向平顶山买水“解渴”. [Синми купил воду в Пиндиншане, чтобы «утолить свою жажду»] // Дун фан цзинь бао. 东方今报. 2015. № 8.

7. Носова С.Ф. Правовая охрана вод в Китае // Законность и правопорядок в современном обществе. 2011. № 6 // <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-ohrana-vod-v-kitae>.

8. Пилотный план работы по правам на воду Министерства водных ресурсов // Сайт Департамента водных ресурсов Министерства водных ресурсов, Департамента политики и регулирования Министерства водных ресурсов и Центра исследований в области развития Министерства водных ресурсов. 23 апреля 2015 // <http://www.gsslh.cn/lydt/lyjs/zt/jcbs/201504/8349.html>.

9. Рысбеков Ю.Х., Рысбеков А.Ю. Управление водными ресурсами в Китае // НИЦ МКВК Информационный сборник. 2014. № 41.

10. Цао Липин. Правовые проблемы регулирования деятельности водного транспорта и морских перевозок груза в Китае // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2010. № 2.

11. Чжоу Чжисянь. 周志翔. Нин ся шуй цюань чжуань хуань чэн сяо мин сянь. 宁夏水权转换成效明显. [Преобразование водных прав Нинся достигло очевидных результатов] // Инь чуань вань бао. 银川晚报. 2015. № 18.

JU DONG

*Junior Researcher, Secretary General
of the Center for Western Development Studies,
Sichuan Academy of Social Sciences, China*

WANG JUNTAO

*Associate professor, PhD in Political Science,
High School of international relations, Institute of Humanities,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia*

A.V. VOVENDA

*Senior lecturer, PhD in Political Science,
High School of international relations, Institute of Humanities,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia*

INTERNATIONAL ASPECTS OF WATER LEGISLATION: MODELS OF TRADE-IN WATER RIGHTS IN CHINA

The subject of the article is connected with a very important aspect of the development of modern international relations – the efficient and economical use of water resources in the context of the states development. The problem of efficient use of water resources lies not only in the economic, but also in the legal field. The implementation of transactions on trade in water rights, as well as the distribution of water rights between economic entities, seem to be the most important elements of the internal development of both China and other states.

In the context of the specifics of China's water law, the topic of the article seems particularly relevant. The purpose of the study is to identify the features and specifics of existing models of water rights trading in China. Results: In China, the water rights trading market is represented by different models of transactions that fully disclose the nature of the participants in the transaction, the specifics of the transferred rights to water resources, etc. Thus, among the models we can distinguish: interregional and intersectoral trade in water rights, trade in water rights between water users, collective trade in water rights, "inter-basin" trade in water rights, as well as trade in water rights in the upper and lower reaches of rivers. The characteristics of these models are presented in the article.

Key words: *water law, water legislation, water resources, water rights trading models.*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

В данной статье рассматривается состояние и основные тенденции современных темпоральных исследований в мировой политике. Изучаются ключевые категории анализа политического времени. Автор отмечает, что время возвращается в мейнстрим политической мысли. Однако подчеркивается, что в последних публикациях роль темпоральности в мировой политике переосмысливается. В академическом дискурсе происходит ревизия пространственно-временных отношений в мировой политике, а также наблюдается явственный переход от единого линейного времени к множественности времен и политических реальностей. Вкупе с этим меняются принципы анализа мирового политического развития, которое становится гораздо менее предсказуемым и определенным. По мнению автора, такое положение дел в который раз демонстрирует не только популярность критических темпоральных трудов в мировой политике, но и меняющийся предмет исследования («темпоральный поворот»), а также смену картины мира в политической науке в целом, которая пока эмпирически не подтверждается ни в одном исследовании по проблематике. Данный факт свидетельствует о необходимости проведения подобной работы в дальнейшем.

Ключевые слова: политическое время, мировое развитие, хронополитика, гетеротемпоральность, социальное ускорение, Антропоцен.

Тема времени в мировой политике была достаточно популярной в начале-середине 2000-х гг. среди исследователей, как в России, так и за рубежом [13; 4. С. 5-20; 12. С. 21-33]. Темпоральный срез казался интересным взглядом на многие проблемы международных отношений. Особенно это касалось множества трансформационных процессов, запущенных с распадом Советского Союза и биполярной системы международных отношений [6. С. 44-58]. Однако с окончанием переходного периода и транзита многих государств к демократии, темпоральная проблематика глобальных трансформаций уходит на второй план. На первый план вышли вопросы организации мировой политической системы, теории мирового порядка и гло-

бального управления, а также проблема акторности различных участников международных отношений [18. Р. 17-39; 26. Р. 56-62, 63-68; 8. С. 125-133]. Во многом это свидетельствовало о диффузии власти в мировой политике, в том числе и власти над политическим временем (темпоральным суверенитетом), которой до этого обладали только государства [14; 19. Р. 1145-1170].

Тем не менее, за последнее время эта тенденция стала меняться. Отразилось это как на академическом дискурсе, так и в политической практике. Первый стал уделять большое внимание критической проблематике темпоральных исследований в мировой политике, а во второй проявились изменения в динамике мировых политических процессов, степени их определенности и предсказуемости. Поэтому ряд исследователей отмечает необходимость возвращения к времени в качестве одной из основных переменных при их анализе. Гипотеза о том, что пространственно-временная дихотомия определяет политические формы и порядки [2; 3] несколько меняется. По мнению ряда экспертов, текущие процессы невозможно рассматривать с точки зрения традиционных геополитики и хронополитики. К примеру, А.Ю. Сунгуров отмечает, что повестка Конгресса Международной ассоциации политической науки в Познани в 2016 г. в значительной степени была изменена в связи с попыткой военного переворота в Турции, заставившего политологов задуматься о поиске релевантной методологии для анализа менее стабильных политических систем и динамики политических процессов в пространственно-временном континууме (т.е. как темпоральное измерение способно упростить анализ стохастических мировых политических процессов) [10] (1). Подобное развитие событий отражает процесс реконцептуализации темпоральной проблематики в мирополитических исследованиях, которая проходит по следующим наиболее ярко выраженным направлениям:

- переосмысление основных принципов изучения пространства и времени в мировой политике;
- переосмысление вопроса единства и непрерывности мирового политического времени;
- переосмысление вопроса определенности, качества и скорости мирового политического развития как наиболее явного воплощения политического времени как феномена.

Безусловно, эти тематики пересекаются во многих моментах друг с другом, однако в данной статье мы постараемся проанализировать как каждый из этих исследовательских кластеров формирует повестку дня в темпоральном дискурсе мировой политики. Поэтому цель данной работы – обзор основных исследовательских треков по данной проблематике в мировой политике, призванный проследить трансформацию взглядов и картины мира в науке в целом. С нашей точки зрения происходящий «темпоральный поворот» (смена предмета исследования в темпоральных работах по мировой

политике) постепенно меняет восприятие времени в академическом дискурсе, отражая тем самым переход от механической к квантовой картине мира, что наиболее заметно в вышеуказанных научных кластерах.

Пространственно-временные отношения: от хронополитики к эволюционной морфологии и геохронополитике. Проблема соотношения пространства и времени поднималась не раз как в исторической социологии, так и в теории международных отношений. На Западе данная тематика была связана с работами И. Валлерстайна, Р. Робертсона и других теоретиков глобализации, а в России – с трудами М.В. Ильина, И.А. Чихарева и других исследователей пространственно-временной дихотомии в мировой политике.

Стоит отметить, что Ильин разработал концепт хронополитики как важную альтернативу западному геополитическому подходу. Саму хронополитику он определяет как «временной срез, темпоральность политической реальности по аналогии-контрасту с геополитикой как пространственным ее срезом, спатиальностью» [2]. Михаил Васильевич попытался также найти место хронополитики в темпоральной структуре реальности, соотнеся его с другими ипостасями и диапазонами времени – историей и повседневностью. «Хронополитическое измерение... ведет к еще одному увеличению масштаба видения реальности. За реальным временем встает История, а над ней возвышается громада Хроноса» [2]. Уже тогда он определил многослойность хронополитики, которая выражена в наследственности ее самых различных пластов. На тот момент он выделил четыре таких зона – геополитический («преддверье хронополитики», дополитическое состояние первобытности), культурный (племенные и квазиплеменные политии), цивилизационный (теократии или идеократии), национальный (международные системы, рационально объединяющие нации) [3].

Позднее в связи с расширением предмета исследования видение хронополитики Ильина трансформируется в геохронополитику, как совмещение темпорального и спатиального измерений. Оно основывается на различении масштабов (размерности) видения политической действительности в пространстве и времени. По аналогии с «диапазонами темпоральности» выделяются пространственные горизонты: месторазвитие («пространство политики в его первом и ближайшем масштабе является непосредственно обозримым»), регион («обобщенные пространства – земли, края, страны») и глобальный мир («планетарный масштаб человеческой ойкумены в целом») [11. С. 56]. Совмещение этих темпоральных диапазонов и спатиальных горизонтов представляет как раз то, что М.В. Ильин и называет эволюционной морфологией, т.е. формирование в пространстве и времени (морфогенез) соответствующих политических порядков (пластов, эонов). При этом суть эволюционной морфологии состоит в том, что возникшие в ходе эволюции политические формы никогда не исчезают, происходит их

наследование. Хронополитическое наследование – один из самых важных компонентов в теории М.В. Ильина. Обосновывает он ее институциональной памятью, которая, несмотря на разрывы истории, может воспроизводить те или иные политические порядки и формы, но с несколько иным содержанием (псевдоморфоз) [5. С. 20].

В свою очередь на Западе вопрос пространственно-временных отношений анализируется в большей степени с точки зрения критической парадигмы теории международных отношений. Во многом данная проблематика пересекается с работами французского философа Поля Вирилио, на которые ссылается значительная часть современных исследователей времени в мировой политике. Его основная идея заключается в том, что ускорение политического времени, происходящее из-за НТР и скачка в развитии ИКТ, кардинально меняет отношения пространства и времени в мировой политике, отделяя их друг от друга в разные политические реальности. Это отражается на таких аспектах мировой политики как, например, способы ведения войны (концепт «информационной бомбы» как следующего за атомным оружием военно-технологического достижения), а также в общей смене основных медиа, с помощью которых человечество воспринимает информацию (сначала – телевидение, позднее – Интернет и социальные сети) [1]. Влияние Вирилио можно видеть в самых разных темпоральных концепциях от реинтерпретации хронополитики в дискурсе критической геополитики, сделанной политическим географом Яном Клинке, до концепции хронополитики в киберпространстве, разработанную политологом Тимом Стивенсом.

Профессор Оксфордского университета Ян Клинке отмечает, что геополитика всегда в себе имела тот или иной темпоральный элемент (периодизация войн и конфликтов, прогнозирование их возникновения и т.д.). Он видит в хронополитике логичное дополнение нарративной природы критической геополитики, формируя тем самым геохронополитику. Поэтому он отрицает тезис Вирилио о том, что «конец истории» является «концом географии», а ликвидация спатального измерения из-за появления величины скорости света открывает дорогу хронополитике как ведущей концепции интерпретации политической реальности. Такой подход, по мнению Клинке, лишает политическое время его многих социальных атрибутов (предсказуемости, связности, единства и т.д.). Сам же он предлагает переосмыслить подход к хронополитике, а также к фундаментальным концептам пространственно-временных отношений, таким как, например, хронотоп как понятие, из которого строится весь пространственно-временной дискурс и которое является своеобразной отправной точкой, вокруг которой вырастает политическая реальность. Клинке подчеркивает, что ряд классических хронотопов таких как, например, «граница», из которого берет начало понимание национального территориального государства, теряют свое значение в современной мировой политике, а на авансцену постепенно выходят нематериальные концепты различных идей и технологий [30. Р. 681].

В свою очередь трактовка британского политолога Тима Стивенса пространственно-временной дихотомии является более близкой к интерпретации Поля Вирилио. Стивенс не отказывается от политического пространства, однако предполагает, что хронополитика теперь зависит от множества других политических реальностей. Развивая концепцию «информационной бомбы» Вирилио и его идею о ключевой роли создаваемыми ИКТ новых реальностей, он разделяет человеческие и нечеловеческие темпоральности (*human and nonhuman temporalities*) как факторы, структурирующие данные реальности. По его мнению, киберпространство является новой нечеловеческой технологической сферой, в которой основным хронотопом становится понятие безопасности [32. Р. 44-45]. Подобное понимание пространственно-временных отношений схоже с концепцией сетевого времени (*network time*) австралийского и американского социологов Роберта Хассана и Рональда Персера. Они также значительное внимание уделяют вопросу киберпространства и новой виртуальной реальности. Хассан и Персер отмечают, что время как социальный конструкт подверглось значительной трансформации от встроенного (*embedded time*) к механическому (*clock time*) [15]. Эти изменения позволяли все больше и больше сужать политическое пространство, тем самым готовя почву для глобализации и появления виртуальной реальности, с чьей помощью были индивидуализированы многие аспекты мировой политики, а также сокращено расстояние между акторами. При этом, по их мнению, ИКТ дают людям возможность осознать свою самость, то, что они «сами являются временем» [15. Р. 45-46]. Тем самым они создают интересубъективный характер новой сетевой темпоральности, которая становится возможной именно благодаря этим новым технологиям.

Характер и свойства политического времени: от унитарного линейного времени к гетеротемпоральности и разрывам. Единство и непрерывность мирового политического времени так или иначе ассоциировалось в исследовательском дискурсе с механическим временем, введением стандарта времени (например, измерением времени по Гринвичу). Норвежский историк и политолог Хельге Йордхейм подчеркивает, что во многом это происходило из-за ключевой роли часов в синхронизации политических процессов. По его мнению, именно *clock time* способствовало установлению современности (*modernity*) как темпорального режима [27. Р. 498-518; 28. Р. 59-95; 29. Р. 421-439]. Однако данная проблема видится гораздо шире. Современность и прогресс являются частью режима унитарного линейного времени или как его называет старший преподаватель Университета Эдинбурга Эндрю Хом «западного стандартного времени» [21. Р. 69-79]. Оно отличается от циклического времени телеологием, а от трансцендентного времени – закрытостью. Его доминирование было заметно среди ряда ведущих теоретиков международных отношений [33. Р. 491-542], веривших в неизбежность тех или иных событий в мировой политике.

Тем не менее, вопрос релевантности унитарности и линейности мирового политического времени стал по-настоящему подниматься на рубеже 2000-х-2010-х гг., когда критические темпоральные исследования начали становиться популярными в теории международных отношений. Первым крупным произведением по данной тематике стала книга британского политолога Кимберли Хатчинс «Time and world politics». В этом труде она не только вывела понятие «мировое политическое время», как некий концепт дискурсивной синхронизации (постепенное приведение к единому стандарту понятийного аппарата о политическом времени), но также вернула в академический нарратив концепты Хроноса и Кайроса, позаимствованные ею из античной философии. Хатчинс отмечает, что Хронос является временем контролирующим, гомогенным потоком, схожим с механическим временем, объясняющим стабильные по динамике процессы и феномены такие как, например, жизнь и смерть [23. Р. 5]. Кайрос же считается трансформационным временем, «креативной силой сама по себе», символизирующим конкретные политические изменения, дискретный характер политического времени и моменты возможности [23. Р. 31]. К Хроносу и Кайросу Хатчинс добавляет взятое из работ Жюль Делеза понятие «Эон». Она полагает, что в своем радикальном виде он представляет «бесконечную правду о времени: чистую и пустую форму времени» [23. Р. 69]. По сути, Эон – это время, состоящее из значительных и независимых атрибутов, отделенных от человеческой инициативы, т.е. то, что принято называть «метафизическим временем».

В практической плоскости триада Хроноса, Кайроса и Эона раскрывается с помощью теории расчета времени (*timing theory*), разработанной Эндрю Хомом. Сама эта теория предполагает, что время является не метафизическим, а скорее социальным феноменом, построенным как на относительно объективных началах, так и на взаимодействии множества акторов. Каждый из них пытается упорядочить само время, используя те или иные дискурсивные практики. Хом считает, что расчет времени можно разделить на несколько модусов в зависимости от закрепления подобных практик в символическом языке времени (активные модусы – более субъективный дискурс, пассивные модусы – глубоко укорененный в общественном сознании дискурс) [21. Р. 73]. Выделяется пять подобных способов расчета времени – новые предложения (субъективный дискурс), совместная трудоемкая деятельность (интерсубъективный дискурс), привычные практики (здравый смысл), самовоспроизведение («объективная реальность»), глубоко укорененные в сознании режимы (экзистенциальное измерение). В этом контексте Эон представляет ситуацию, в которой необходим расчет времени и которая полна возможностей и траекторий дальнейшего развития событий. Выбранная траектория позволяет кайротически, т.е. с активной точки рассчитать время, которое при множественном повторении способно стать

пассивным хронотическим режимом, сочетающимся с временем как таковым, до тех пор, пока какое-либо новое изменение не откроет новые эонические возможности [21. Р. 74].

Данные возможности и кайротические процессы в мировой политике, происходившие со все большим количеством акторов, свидетельствовали о продолжавшемся тренде диффузии власти, а также о начале главенства трансцендентного (открытого) времени (*open time*), как темпоральности позволяющей «реконструировать новое», т.е. использовать те или иные инновации (*novelty*), возникающие стохастически, для переосмысления как прошлого, так и видения будущего [20. Р. 278-279]. Во многом из открытого времени Хатчинс и выводит один из самых важных концептов в своей исследовательской работе – гетеротемпоральность. Его смысл состоит в том, что в мировой политике существует множество темпоральных видений и измерений (государствоцентричное, феминистское, постколониальное и т.д.), структурирующее мировое политическое время [23. Р. 155]. Как утверждает сама Хатчинс, данный концепт имеет не столько практическое, сколько этическое применение, поскольку позволяет создать такую теоретическую рамку, в которой могло бы поместиться максимальное число темпоральных ориентаций (множество идентичностей акторов мировой политики, их видений прошлого, настоящего и будущего) [24; 25. Р. 253-258].

Политическое развитие как олицетворение времени в политике: от закономерности политического развития к индетерминизму и социальной акселерации. Проблема трансформаций и их характера в мировой политике является наиболее широкой и при этом практико-ориентированной в исследовательском дискурсе. Само по себе же развитие является самым прямым проявлением динамической природы темпоральности в социально-политической жизни. Развитие зависит от многих факторов – скорости (насколько быстро развивается общество и протекают политические процессы в нем), определенности (какова траектория развития) и качества (как развитие влияет на жизнь человечества в целом и конкретных государств и обществ в частности). В данном кластере работ по мировой политике чаще всего встает главный вопрос – насколько определенны те или иные политические изменения, каков их характер и влияние на мировую политику? В середине 00-х на него отвечала теория модернизации, которую ряд экспертов связывал непосредственно с логикой и ритмами мирового политического развития [6. С. 44-58]. Данная теория подразумевала в целом линейный характер трансформаций в мировой политике. Циклы, волны и ритмы мирового развития повторяются – из этого исходят в своей концепции исторического прогнозирования Лапкин В.В. и Пантин В.И. Если они повторяются, то можно вычислить и определенные политические закономерности. Для этого Лапкин и Пантин предлагают использовать циклы Кондратьева [9]. Такой подход предполагает предопределенность, хотя оба

специалиста утверждают, что мировое развитие далеко не детерминировано и зачастую те или иные феномены рождаются из хаоса и в различных «точках перелома» [7. С. 10-27].

Схожий, но все же несколько иной подход предлагают политологи Майкл Хаулетт и Клаус Гетц. По их мнению, мировое политическое развитие зависит в первую очередь от принятия конкретных административных решений на самых различных уровнях власти в мировой политике. Они выделяют четыре модели изменений, которые могут последовать при подобном развитии событий – общая линейная (стохастическая) модель; модель неизбежной последовательности; модель случайной последовательности и модель последовательных процессов. Первая модель предполагает, что после принятия того или иного политического решения следует ожидать структурных стохастических последствий. Вторая модель рассматривает развитие как некий каузальный исторический нарратив, характеризующийся связностью, порядком и конвергенцией происходящих внутри него трансформаций. Третья модель отличается эффектом «колеи» или зависимости от пройденного пути (*path dependency*). В данной модели в последовательности изменений важны лишь ранние события, которые считаются априори случайными (*contingent*), а последующие – инерционными. Концепция зависимости от пройденного пути является до сих пор одной из самых популярных при анализе тех или иных модернизационных процессов в мировой политике. Четвертая модель фокусируется на том, чтобы избежать телеологизма нарративной модели и непредсказуемости стохастичной модели. Последовательность политических процессов демонстрирует связь между событиями в различные временные периоды. Связь эта заключается в идентичном поведении акторов при решении политических проблем в той или иной исторической эпохе. Схожесть эта появляется за счет положительного, либо отрицательного опыта подобного решения [22. Р. 479-485]. Данная интерпретация проблемы развития в мировой политике, хоть и отчасти учитывает фактор случайности, но все же сосредоточена на эволюционной логике принятия решений акторами мировой политики.

Другой аспект мирового политического развития – его скорость. Вопрос скорости в мировой политике поднимался множеством исследователей – от Вирилио с его концепцией дромологии до Хассана с его концептом «империй скорости» [1; 16]. Последняя во многом останавливает свое внимание на проблеме ускорения мировых политических и социальных процессов, вызванным прогрессом современных ИКТ, а точнее появлением Интернета и социальных сетей. Происходящее благодаря этому сужение политического пространства способствует появлению сетевого времени и сетевого общества (*network society*) как новых реальностей мировой политики. Однако даже такая трактовка ускорения мировых политических процессов несколько отличается от предложенной не так давно немецким социологом Хартму-

том Розой концепции социальной акселерации. Ее смысл заключается в том, что нынешняя модель развития современности представляет собой образ «железной клетки» Макса Вебера, но при этом она представлена тремя видами социального ускорения – техническое ускорение, ускорение социальных изменений и ускорение темпа жизни. Техническое ускорение вызвано необходимостью выработки инноваций, чтобы экономика тех или иных стран не пришла в упадок, ускорение социальных изменений – с сокращающейся во времени релевантностью тех или иных взглядов и идей, а ускорение темпа жизни – погоней за абсолютным богатством. Последнее, как отмечает Роза, во многом является следствием внедрения в общественную жизнь той самой протестантской этики, о которой писал Вебер [31. Р. 76]. Все вместе это образует режим «поздней современности» (*late modernity*), которому Роза как раз и приписывает вину за акселерацию всех социальных процессов в мировой политике. В данном контексте было бы интересно сравнить концепции социального ускорения Р. Хассана и Х. Розы, поскольку они вполне могут взаимодополнять друг друга. Хассан в «Империях скорости» предлагает рассматривать феномен ускорения исключительно с точки зрения развития ИКТ и появления социальных сетей, сжимающих тем самым пространство и позволяющих появиться интересующему сетевому времени [16]. Роза в свою очередь фокусируется на экономической и ценностно-идейной стороне акселерации, поскольку последняя является продуктом современности и капитализма как ее экономической структуры. Обе концепции сходятся на том, что ведущие позиции в мировой экономике сейчас занимают те компании, которые так или иначе связаны с сектором ИКТ, а следовательно они ответственны во многом за ускорение социальных процессов в мировой политике.

Заключение. Рассмотрев современные исследовательские категории в темпоральных работах по мировой политике, следует выделить несколько важных тенденций.

Во-первых, наблюдается значительная трансформация пространственно-временных отношений в мировой политике. Она происходит как на уровне политического нарратива (закрепление концепции геохронополитики в исследовательском дискурсе), так и в выстраивании отдельных политических реальностей (нечеловеческие темпоральности и сетевое время в киберпространстве). Также стоит отметить значительный недостаток работ, непосредственно связанных с «квантовым онтологическим поворотом», который был запущен А. Вендтом. Таким образом, пространственно-временной континуум в исследованиях по мировой политике в определенной степени остается вне тренда изменения картины мира в социальных науках.

Во-вторых, подвергается сомнению единство и непрерывность мирового политического времени. В академическом дискурсе закрепляются понятия гетеротемпоральности (множественности политических времен),

а также разрыва, свидетельствующего об усилении дискретности мирового политического времени. В то же время находятся новые способы операционализации данных состояний темпоральности (теория расчета времени (*timing theory*), к примеру), открывающие новые возможности в исследованиях по мировой политике.

В-третьих, все менее очевидной становится эволюционная логика мирового политического развития. Ускорение социальных процессов в мировой политике вкупе с появлением разного рода апокалиптических сценариев мирового развития (в первую очередь связанных с проблемой изменения климата), как минимум, усложняет процесс прогнозирования и делают появление тех или иных трендов менее ожидаемым и определенным.

Безусловно, вышеуказанные тенденции не отражают всего исследовательского дискурса о времени в мировой политике, однако они подчеркивают важную деталь – появление множества политических реальностей, дискретность политического времени, неопределенность мирового развития – все это свидетельствует о значительных переменах в исследовательском нарративе. Феномен «темпорального поворота», о котором начали писать еще в начале 2010-х гг. [17. Р. 83-102] в связи со сменой предмета исследования в работах о роли времени в мировой политике коррелируется с более глобальной тенденцией – перехода от механической к квантовой картине мира в социальных и политических науках [34], однако эмпирически подтвердить данный переход представляется практически невозможным. В какой-то степени проходящий мимо темпоральных исследований онтологический транзит является не только проблемой специалистов по темпоральной проблематике, но и самого А. Вендта, нивелировавшего время как переменную в своей работе. Тем не менее, существует необходимость заполнить возникший научный вакуум. Вышеописанные темпоральные тренды мировой политики хоть и отражаются во множестве специализированных сборниках и монографиях (к примеру, *Oxford Handbook of Time and Politics*, вышедший в 2020 году), но все еще не способны полноценно восполнить данный исследовательский пробел.

ПРИМЕЧАНИЕ:

(1) Схожие вопросы обсуждались на конференции журнала *Millenium* «The Politics of Time in International Relations», прошедшей 21-22 октября 2017 г. в стенах Лондонской Школы Экономики. По ее итогам был напечатан целый номер журнала, где статьи были посвящены этой проблематике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Вирлишо П.* Информационная бомба. Стратегия обмана. М.: Прагматика культуры, 2002.

2. Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа политических систем. Часть 1: Основания хронополитики. М.: МГИМО МИД России, 1995а.

3. Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии: Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Часть 2, 3: Хронополитическая перспектива. Тенденции и перспективы российской хронополитики. М.: МГИМО МИД России, 1995b.

4. Ильин М.В. Феномен политического времени // Полис. Политические исследования. 2005. № 3.

5. Ильин М.В. *Patrimonium et imperium*: метаморфозы двух прототипических порядков в зеркале эволюционной морфологии (Часть 2) // Политическая экспертиза. 2015. Т. 11. № 1.

6. Лапкин В.В., Пантин В.И. Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России // Полис. Политические исследования. 2005. № 3.

7. Лапкин В.В. Проблемы моделирования политического развития // Циклы политического развития: прогностический потенциал (сборник статей). М.: ИМЭМО РАН, 2010.

8. Лебедева М.М. Система политической организации мира: «идеальный шторм» // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2.

9. Пантин В.И., Лапкин В.В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна: Феникс+, 2006.

10. Сунгуров А.Ю. Время и политика. Введение в хронополитику. СПб.: Алетейя, 2016.

11. Чихарев И.А. Хронополитические исследования: опыт синтеза // Полис. Политические исследования. 2003. № 6.

12. Чихарев И.А. Хронополитика: развитие исследовательской программы // Полис. Политические исследования. 2005. № 3.

13. Cook D. Paul Virilio: The Politics of 'Real Time' // CTheory. 2003 // <https://journals.uvic.ca/index.php/ctheory/article/view/14569/5416>.

14. Fasolt C. The limits of history. Chicago: The University of Chicago Press, 2004.

15. Hassan R., Purser R. 24/7: Time and Temporality in the Network Society. Stanford: Stanford University Press, 2007.

16. Hassan R. Empires of Speed: Time and the Acceleration of Politics and Society. Leiden, Boston: Brill, 2009.

17. Hassan R. Globalization and the "Temporal Turn": Recent Trends and Issues in Time Studies // The Korean Journal of Policy Studies. 2010. Vol. 25. No. 2.

18. Hocking B. Patrolling the 'frontier': Globalization, localization and the 'actorness' of non-central governments // Regional & Federal Studies. 1999. Vol. 9. No. 1.

19. *Hom A.* Hegemonic metronome: the ascendancy of Western standard time // *Review of International Studies*. 2010. Vol. 36. No. 4.
20. *Hom A., Steele B.* Open Horizons: The Temporal Visions of Reflexive Realism // *International Studies Review*. 2010. Vol. 12. No. 2.
21. *Hom A.* Timing is everything: Toward a better understanding of time and international politics // *International Studies Quarterly*. 2018. Vol. 62. No. 1.
22. *Howlett M., Goetz K.* Introduction: time, temporality and timescapes in administration and policy // *International Review of Administrative Sciences*. 2014. Vol. 80. No. 3.
23. *Hutchings K.* Time and world politics: Thinking the present. Manchester: Manchester University Press, 2008.
24. *Hutchings K.* What is Orientation in Thinking? On the Question of Time and Timeliness in Cosmopolitical Thought // *Constellations*. 2011. Vol. 18. No. 2.
25. *Hutchings K.* Time and the Study of World Politics // *Millenium*. 2018. Vol. 26. No. 3.
26. *Ikenberry J.* The Future of the Liberal World Order: Internationalism After America // *Foreign Affairs*. 2011. Vol. 90. No. 3.
27. *Jordheim H.* Introduction: Multiple Times and the Work of Synchronization // *History and Theory*. 2014. Vol. 53. No. 4.
28. *Jordheim H.* Synchronizing the World: Synchronism as Historiographical Practice, Then and Now // *History of the Present*. 2017. Vol. 7. No. 1.
29. *Jordheim H., Wigen E.* Conceptual Synchronisation: From Progress to Crisis // *Millenium*. 2018. Vol. 26. No. 3.
30. *Klinke I.* Chronopolitics: A conceptual matrix // *Progress in Human Geography*. 2013. Vol. 37. No. 5.
31. *Rosa H.* Social Acceleration: A New Theory of Modernity. New York: Columbia University Press, 2013.
32. *Stevens T.* Cyber Security and the Politics of Time. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
33. *Wendt A.* Why a World State is Inevitable // *European Journal of International Relations*. 2003. Vol. 9. No. 4.
34. *Wendt A.* Quantum Mind and Social Science: Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

V.A. MUZALEVSKIY

*Alumnus of post-graduate school
of Moscow State Institute of International
Relations (University), MFA of Russia,
World Politics Department,
Moscow, Russia*

CONTEMPORARY TEMPORAL STUDIES IN WORLD POLITICS

This article discusses the state and major trends of contemporary temporal studies in world politics. Key categories of political time analysis are explored. The author notes that time returns to the mainstream of political thought. However, it is emphasized that in recent publications the role of temporality in world politics is being reconsidered. There is a revision of space-time relations in academic discourse of world politics, and there is also a clear transition from a unitarian linear time to a plurality of times and political realities. Combined with this, the principles of analysis of world political development, which is becoming much less predictable and definite, are changing. According to the author, this state of affairs demonstrates once again not only the popularity of critical temporal works in world politics, but also the alternating subject of research (“temporal turn”), as well as a change of world view in political science in general, which has not yet been empirically confirmed by any research on the issue. This fact indicates the need for such study in the future.

Key words: *political time, world development, chronopolitics, heterotemporality, social acceleration, Anthropocene.*

ОСОБЕННОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ЛИВАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В данной статье рассмотрены особенности ливанской избирательной системы и ее кризиса. Отмечается, что ливанский конфессионализм препятствует общенациональному объединению общества и способствует его фрагментации, а предвыборные альянсы фактически не сплачивают население, но создают дополнительные, в том числе и социальные разногласия. Констатируется, что клановость зажиточных родов, номинальность конституции, несоблюдение мирных соглашений и интервенция иностранных государств, а также их вмешательство в выборы приводит к коррупции, подкупу избирателей, а, следовательно, и кризису в стране. Таким образом, только общегражданская идентичность и закрытые партийные списки могут сделать избирательную систему в стране более честной и беспристрастной.

Ключевые слова: *конфессионализм, клановость, предвыборные альянсы, общегражданская идентичность.*

Ливанская Республика является мультиконфессиональным государством и по такому же принципу построен парламент. Из этого следует, что и избирательная система государства является конфессиональной и голозование происходит блоками, где представлены все религии на равных правах. Групповые идентичности Ливанской республики приобретают политическую составляющую, поскольку выборы проводятся исходя из конфессиональных предпочтений. История политического конфессионализма Ливана начинается со времен Османской империи, когда при влиянии Франции в Горном Ливане была установлена частичная автономия для местных христиан. В Национальном пакте за представителями различных конфессий были установлены различные должности в правительстве и парламенте государства, однако в Конституции не было прямого указания на религиозную принадлежность политиков, а такое указание давалось в отдельном избирательном законе.

Парламент Ливана – «Национальная ассамблея» избирается каждые 4 года, а в него входят 128 депутатов. Выборы проходят по многомандатным округам, при этом учитываются пропорции количества населения той или иной религии.

По политическим взглядам ливанский парламент подразделяется на две коалиции: Коалиция 8 марта (68 мест) и Коалиция 14 марта (60 мест). В коалицию 8 марта входят партии, поддерживающие Сирию, то есть мусульмане-шииты, часть правохристиан, армяне, арабские националисты, арабские социалисты, насеристы, демократы, суфисты, друзская прогрессивно-социалистическая партия. В Коалицию 14 марта входят правые христиане (марониты), друзы, армянские демократы, мусульмане-сунниты. В 1989 году по Таифскому соглашению были распределены места в ливанском парламенте. Процесс реформирования должен завершиться созданием совета, в который бы вошли представители всех общин Ливана, а также принятием нового закона о выборах и политических партиях, что должно стать основой для дальнейшего стабильного политического развития. Создание политических партий не на религиозной основе представляется одним из главных условий успеха реформ [3].

Сегодня по факту у трех крупнейших конфессий есть автономия в решении своих внутренних вопросов, а именно есть собственные образовательные структуры, медицинские и благотворительные организации. При всем при этом даже в конституции государства упоминался курс на упразднение конфессиональной системы: «После выборов первого состава Национальной Ассамблеи, которые должны проходить на общенациональной основе, а не на конфессиональной основе, будет сформирован Сенат, где будут представлены все духовные общины; а сфера его полномочий будет ограничена только вопросами, представляющими основные национальные интересы» [4]. Далее отмечалось в основном законе, что создается новая избирательная система в которой уже не будет приниматься во внимание конфессиональная принадлежность кандидатов, однако при этом принцип конфессионализма продолжает использоваться и в переходный период, вызывая противоречия в самой конституции. Такая избирательная система делает акцент не на квалификации кандидата, а на его приближенности к определенной конфессии. Для успешного результата в голосовании необходимо дать возможность людям голосовать за своих кандидатов на общенациональной основе, а не на конфессиональной или клановой. Но они понимают, что на честных выборах кланы потеряют свои позиции и места возьмут коммунисты, либералы и другие оппозиционные силы [6]. В результате Таифских соглашений все большую роль приобретает клановость влиятельных семей, а также практика наследования мест и должностей на руководящих позициях. Такая политическая система не устраивает население государства, и как результат падает популярность политических

партий и властей, а количество населения, живущего за чертой бедности все растет, что перерастает в протесты против этой власти.

Одной причиной войны стала неудовлетворенность исламским населением распределением мест во власти в пользу христиан. Кроме того, доля предпринимателей и банкиров в Ливане составляла до 75%, в то же время представителями рабочего класса были до 75% мусульмане.

Др. Бассель Салух высказал свое мнение касательно будущего возможного построения ливанской политической системы. Как он считает, институты консоциации, равно как и пропорциональная избирательная система, представительство всех меньшинств государства, межконфессиональные альянсы могут привести не столько к союзу, сколько напротив к дальнейшему размежеванию между общинами. Избирательные коалиции на практике показали свою нежизнеспособность, т.к. выражали интересы элитных кругов, а также внешних акторов. В 1989 году после Таифских соглашений в различных районах страны места координировались так, чтобы представители других религий получили места. При этом, после соглашений стало ясно, что парламентские выборы 1992 года усиливали позиции просирийских сил, в результате чего после выборов 1996 года большинство мест получили шииты (альянс Амаль-Хезболла). Под влиянием Сирии выборы проходили так, чтобы Ливан был поделен на несколько избирательных округов со смешанным религиозным населением, а голоса были распределены в пользу первой. Ситуация в Ливане особенно обострилась после вмешательства Хезболлы в гражданскую войну в Сирии на стороне правительства Асада. При этом руководство Хезболлы приняло решение о таком вмешательстве, чтобы оградить территорию самого Ливана от проникновения джихадистов и исламских экстремистов [7].

Иная ситуация была в выборах 2000 года. Страна была поделена по принципу противостояния просирийски настроенного президента христианина Эмиля Лахуда и его противников во главе с суннитами Харири и друзьями Джумבלата. Для нейтрализации антисирийского блока «Христианские силы Ливана» север страны был поделен на два избирательных округа. Тем не менее можно констатировать, что история противостояния двух блоков постепенно подходит к концу и уступает место более многополярной структуре. Сказывается влияние роста числа политиков, позиционирующих себя независимыми от традиционных «семей» и «кланов» [2].

Таким образом можно заметить, что в Ливане создание предвыборных альянсов не направленно на создание сплоченности между людьми, а являются кратковременными объединениями в интересах кандидатов, направленными на разногласия между частями одного народа. Более того, реалии в стране таковы, что растет население мусульманское в стране, а христианское население эмигрирует из Ливана.

Г-н Салух предлагает сделать из страны единый избирательный округ, а голосовать по закрытым партийным спискам, чтобы избежать голосования

за отдельного кандидата. Также автор предлагает поделить страну на средние по размеру округа, отдавая при этом предпочтение географической составляющей в голосовании. При голосовании должны учитываться все реалии и изменения в государстве. Создание такой системы, по мнению Салуха предоставляется возможным, нужно лишь создать условия для того, чтобы население голосовало за закрытые партийные списки, а не за отдельных кандидатов. Кроме того, каждый избирательный округ должен быть разделен так, чтобы не было никаких конфессиональных, социальных, этнических противоречий. «Неправильная» нарезка округов в процессе выборов может привести к обострению межэтнических конфликтов и новому витку столкновений [1].

Революционные настроения в Ливане в 2019-2021 гг. показали протестное отношение общества к системе конфессионализма. В частности, делались попытки распределить места в правительстве и парламенте по принципу компетентности и специализации, но такая тенденция потерпела неудачу, поскольку власти и представители партий не поддержали установление новых порядков в политической системе. 22 января 2020 года после длительных консультаций и ожесточенной полемики в парламенте было наконец сформировано правительство. Президент и премьер заявили о том, что это правительство технократов и его ближайшая задача – спасение Ливана от экономического коллапса [5]. Следует признать, что ливанская консенсусная система объективно способствует политизации и институционализации религиозных идентичностей, поддерживая субкультурное размежевание [6]. Кроме того, вмешательство иностранных держав и борьба интересов в этом регионе оставляет обстановку напряженной и способствует конфликтности в обществе. В сложившейся системе координат разные ливанские общины, единые в стремлении жить в одном государстве, вынуждены выстраивать свою собственную «политическую навигацию», чтобы не потерять наработанные с годами очки в острой конкурентной борьбе [9]. Новые выборы в Ливанской республике планируются в 2022 году по пропорциональной системе, с учетом присутствия всех конфессий. При этом, отставка премьера Саада Харири может оттянуть выборы в парламент Ливана, о чем обеспокоены многие страны мира, в частности США в лице госсекретаря государства Энтони Блинкена. Как считает госсекретарь, «крайне важно», чтобы правительство в Ливане, «взявшее бы на себя обязательства и способное реализовать приоритетные реформы, было бы сформировано сейчас» [10]. Мишель Аун заявил, что «предстоящие выборы будут свободными, прозрачными и пройдут в демократической атмосфере». По его словам, в них впервые примут участие граждане из зарубежных ливанских сообществ, их представителям выделено шесть мест в палате депутатов [8].

Для создания гражданского общества в Ливане государству и ливанскому народу необходимо отдавать предпочтение общегражданской идентич-

ности в решении наиболее важных государственных вопросов и в особенности вопросов избирательного права. Приоритетом в избрании кандидатов в правительство и парламент должны стать профессиональная компетентность и специализация кандидатов, для чего необходимо будет отказаться от конфессиональной основы ливанской политической системе, а в основном законе закрепить общегражданский принцип избрания кандидатов. Остается надеяться, что гибкая ливанская система все еще сохраняет внутри себя потенциал внутреннего реформирования вслед за нуждами общества, а не будет давать знать о себе лишь в ответных шагах на действия региональных и глобальных центров силы [9].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бассель Салух*. Пределы электорального инжиниринга в разделенных обществах: выборы в послевоенном Ливане. 2006.
2. Выборы в Ливане: много шума из ничего // РСМД. 18 мая 2018.
3. *Зуркта Омайя Науаф*. Второе Ливанское государство и Пакт о национальном согласии и примирении // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. 2008.
4. Конституция Ливана. 1926.
5. Кризисы в Ливане: история и современность // Международная жизнь. Архив 6 номера 2020 года.
6. *Керимов А.А.* Консоциальная демократия в Ливане: современные вызовы и перспективы развития. М., 2021.
7. *Кузнецов А.А.* О влиянии шиитско-суннитских противоречий на ближневосточную ситуацию // Вестник МГИМО Университета. 2014.
8. Парламентские выборы в Ливане пройдут 27 марта 2022 года // ТАСС. 19 окт. 2021.
9. *Сарабьев А.В.* Ливан: обыкновенная «консоциальная демократия» в региональном контексте // Вестник МГИМО-Университета. 2019.
10. США призвали Ливан не откладывать выборы после отставки премьеры // Коммерсантъ. 16.07.2021.

G.T. BATSAZOV
Graduate Student of the Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Moscow, Russia

THE CIRCUMSTANCES OF THE ELECTORAL SYSTEM IN REPUBLIC OF LEBANON

In this article the circumstances of the electoral system of Lebanon and its crisis are considered. It is noted that the Lebanese confessionalism prevents national unity of society and contributes to its fragmentation and pre-election alliances, in fact don't unite the population but create additional disagreements, including social. It is also stated that clannishness of wealthy families, nominal status of constitution, non-compliance of peace agreements and intervention of foreign states as well as their meddling into elections lead to corruption, buying the votes and, therefore, crisis in the country. Thus, only national identity and closed party lists can make the electoral system in the country more fair and unbiased.

Key words: *confessionalism, clannishness, pre-election alliances, national identity.*

МЕХАНИЗМ ВЫБОРНОСТИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПУБЛИЧНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В РОССИИ И ИТАЛИИ

Раскрывая проблематику выборных процессов в данной статье, автор формулирует гипотезу о том, как может развиваться, изменяться политическая система России через сравнение с опытом реформирования политической системы Италии. При проведении данного исследования используется метод моделирования, что позволяет рассмотреть различные виды и способы проведения выборов в законодательные органы власти с целью выведения реалистичной идеальной модели, адаптированной под требования современного общества и государства. Эпистемология исследования заключается в том, что объект познаний в данной научной работе – выборные процессы и технологии, на которые непосредственно направлена познавательная активность граждан. Субъект познания – это отдельный индивид, гражданин, обладающий правом избирать или быть избранным в органы власти, а также социальные группы (политические партии, общественные движения, фракции и коалиции в парламентах), которые осуществляют познавательную деятельность. Именно это позволяет отслеживать специфическое взаимодействие между субъектом и объектом, конечная цель которого – достижение истины, обеспечение технологий, алгоритмов, моделей и программ, направленных на освоение объекта в соответствии с потребностью субъекта. В основе используемой автором методологии лежит структурный анализ понятий «система», «выборы» и «процесс» в контексте универсальных общенаучных диалектического и системного подходов. Исследование базируется на принципах научности, историзма, объективности, которые раскрывают закономерности и особенности избирательных систем, выборного процесса и технологий. Данные принципы способствовали систематизации объективных знаний о действительности, критическому восприятию фактов без отрыва их от политической среды, дали возможность создания достоверной картины публичных выборов, а также определения противоречий и взаимовлияний различных факторов на объект исследования. В основу данной научной разработки положен принцип объективности в изучении механизмов вы-

борности при формировании публичных органов власти в России и Италии их трансформации под влиянием внешних и внутренних политических процессов.

Ключевые слова: выборы, процессы, технологии, избирательная система, политическая партия, публичная власть, трансформация.

Введение. Актуальность темы научного исследования обусловлена причинами как объективного, так и субъективного характера, ведь выборы не ограничены технической процедурой формирования органов власти посредством голосования, а представляют собой сложный политический процесс, вовлекающий различные группы, слои общества, политические партии и общественные объединения. Через выборы происходит избрание и смещение государственных деятелей, представляющих различные политические и экономические интересы граждан.

Органы государственной власти формируются двумя способами: путем выборов и путем назначения. Однако и назначения на высшие посты осуществляются выборными органами. Выборы – это антипод революции и силового решения вопроса о власти. Таким образом, выборы определяют весь дальнейший вектор государственного устройства и наделяют органы государственной власти легитимными полномочиями.

Механизм выборов в каждой стране реализуется через избирательную систему. Суть избирательной системы в характере соотношения голосов избирателей, поданных за отдельного кандидата или партийный список, и полученных ими мандатов.

Избирательная система имеет сложное строение и постоянно трансформирующуюся основу, конкретное содержание которой различно в каждой стране. С течением времени избирательная система подвержена преобразованиям, изменяются виды, формы, существенные свойства. Поэтому данная научная тема представляет большой практический интерес и требует пристального внимания. Ведь именно выборный процесс позволяет как «лакмусовая бумажка» отследить все изменения реальной политической ситуации в стране, определиться с дальнейшими шагами в политических процессах, а также измерить общественный настрой с учетом выборной активности и предпочтений избирателей.

Научные изыскания базируются на следующих научных теориях и учениях:

1) Теория рационального выбора (Э. Даунс, Д. Блэк, Г. Симон): главным субъектом политического участия является свободный индивид, стремящийся к максимальной реализации своих интересов и эффективно действующий во имя достижения собственных целей. Под интересом индивида понимается стремление обеспечить личное благополучие, и участие индивида

в политике возможно при условии, что возможные доходы от участия будут превышать издержки. Этот принцип получил название «максимизации выгоды».

2) Мотивационные теории политического участия (Г. Моргентхау, А. Маслоу, П. Сорокин): к наиболее общим мотивам политического участия относят идеологический (личность участвует в политической жизни, разделяя и поддерживая официальную идеологию общества); нормативный (поведение индивида основывается на признании силы власти, выработанном в процессе политической социализации); ролевой (связан с социальной ролью, социальным положением индивида в существующей политической системе; чем ниже социальное положение личности, тем более вероятным становится ее радикальный настрой против существующей власти).

3) Теории социальных факторов политического участия (С. Липсет, Д. Лернер): исследуется взаимосвязь и влияние на политическое участие таких факторов, как уровень социально-экономического равенства и возможности социальной мобильности, стабильность.

4) Социально-психологическая теория электорального участия (А. Кэмпбелл, Ф. Конверс, У. Миллер, Т.Е. Сток) подразумевает, что партийная идентификация избирателей формируется через политическую социализацию, главным агентом которой является семья.

В данном исследовании описывается мировоззренческая картина мира реализма то, что наблюдают вовне. С учетом идей марксизма (по наблюдениям автора мировая политика строится на экономических показателях и государства стремятся к капитализации и росте ВВП) и функционализма (на основе примера Европейской интеграции, когда учитываются интересы нескольких стран). Это связано с самой темой исследования выборных процессов, и это позволяет сформулировать гипотезу о том, как может развиваться, изменяться политическая система России через сравнение с опытом реформирования политической системы Италии. Возможно, при проведении исследования применить метод моделирования и посмотреть различные виды и способы проведения выборов в высшие органы власти с целью выведения реалистичной идеальной модели, адаптированной под требования современного общества и государства.

В данном случае онтологию нет смысла описывать т.к. автор опирается на политический реализм. В таком случае рассмотрения данной проблемы удобно с позиции участника выборного процесса. Ведь в Основных законах (конституциях) России и Италии говорится, что именно народ является единственным источником власти, то есть граждане, обладающие правом избирать или быть избранными в органы государственной власти, напрямую влияют и на развитие той или иной избирательной системы страны. Таким образом, именно участники этого процесса могут реально влиять на ход избирательных кампаний и на способы формирования высших законодательных органов власти.

Эпистемология (теория познания) исследования заключается в том, что объект познаний в данной научной работе – выборные процессы и технологии, на которые непосредственно направлена познавательная активность граждан. Субъект познания – это отдельный индивид, гражданин, обладающий правом избирать или быть избранным в органы власти, а также социальные группы (политические партии, общественные движения, фракции и коалиции в парламентах), которые осуществляют познавательную деятельность.

Именно это позволяет отследить специфическое взаимодействие между субъектом и объектом, конечная цель которого – достижение истины, обеспечение технологий, алгоритмов, моделей и программ, направленных на освоение объекта в соответствии с потребностью субъекта.

Отсюда возникают задачи проанализировать отношения между получающим знание субъектом (гражданином, политической партией) и источником знания (объектом – избирательными системами, выборными процессами, технологиями), между субъектом и знаниями (например: предвыборными программами партий, итогами голосования), между знанием (например: порядком распределения мест в парламенте) и объектом.

Для решения поставленных в работе задач исследовался широкий круг источников, которые подразделяются на следующие группы: опубликованные международные, федеральные и региональные нормативно-правовые акты, определяющие принципы международно-правового регулирования избирательного законодательства, а также направления формирования органов законодательной власти России и Италии; материалы российской и итальянской периодической печати; статистические данные; теоретико-методологические исследования, содержащие концепции (модели) форм публичных выборов.

1) Международные материалы представлены основополагающими документами ЕС: Римскими договорами 1957 г., Единым европейским актом 1986 г., Маастрихтским договором 1992 г., Амстердамским договором 1997 г., Ницким договором 2001 г., Декларацией Лаакена 2001 г., Лиссабонским договором 2007 г., Договором о создании европейского стабилизационного механизма 2012 г.

Для всестороннего анализа позиций политических партий в исследовании широко использовались их предвыборные программы, подготовленные как к национальным выборам, так и к выборам в Европейский парламент, официальные заявления и выступления лидеров партий.

Ключевыми видами источников являются справочная и нормативная литература. Они выступают источниками сведений, подтверждающих те или иные идеи исследования. В процессе работы над данным исследованием проводилась работа с рядом трудов по юриспруденции, социологии, философии и другим дисциплинам, в которых были почерпнуты сведения

о механизмах, аспектах, формах и особенностях проявления избирательного процесса в разные периоды времени.

2) В целом можно отметить, что исследование трансформации избирательной системы, проведенное в настоящей работе, можно охарактеризовать как многоаспектное и многоуровневое. В его основе лежат как зарубежные, так и на отечественные источники; как классические, так и современные исследования по теме; учитываются как методологические, так и концептуальные тенденции в развитии политологической проблематики публичных выборов. Эти направления, их динамика и результативность призваны показать актуальность представленной в работе концепции.

3) Материалы периодической печати составляют особый вид источников, позволяя проследить эволюцию мировоззренческих установок, оценок и представлений о формировании избирательной системы в России в 1990-х – 2000-х гг. Кроме того, периодическая печать отражает условия и процесс эволюции избирательной системы России, позволяя оценить эффективность политики государственной власти.

В качестве дополнительного источника в этом исследовании использованы материалы официальных Интернет-сайтов, содержащих информацию о выборах в России и Италии, а также их оценку. В ходе работы также были использованы результаты социологических опросов ФОМ, Левада центр, ВЦИОМ и материалы ряда российских печатных и электронных СМИ («Известия», «Новая газета», «Сегодня», «Коммерсант», «Версия», «Газета», «Независимая газета», информационно аналитические программы ОРТ, РТР, НТВ, CNN, NBC), а также Интернет ресурсы.

Необходимый статистический материал по итогам выборов в Европейский и Итальянский парламенты был получен из электронных справочников на официальном сайте Европейского парламента и министерства внутренних дел Италии соответственно. Для оценки электоральных предпочтений, изучения общественного мнения и анализа изменений в отношении населения к ЕС автор обращался к опросам общественного мнения, проводимым Европейской комиссией (Евробарометр), итальянскими центрами «Демополис» (Demopolis), «Кворум» (Quorum) и Институтом изучения международной политики (Istituto per gli Studi di Politica Internazionale).

4) Особым и наиболее многочисленным источником являются отечественные и зарубежные теоретико-методологические исследования, в которых описываются особенности развития избирательной системы. Избирательная система является предметом исследования как российских, так и зарубежных ученых. Основой теоретического исследования послужили работы представителей отечественной науки различных отраслей: Баглая М.В., Вешнякова А.А., Авакьяна С.А., Козлова Е.И., Кутафина О.Е., Леонова С.В., Страшуна А.Б., Чиркина В.Е.

Анализ данных работ перечисленных авторов позволяет сделать вывод, что теория избирательной системы достаточно хорошо проработана, сфор-

мулировано ее определение, содержащее все основные признаки явления и отвечающее его сущности, представлена широкая классификация.

Наиболее развернутое определение избирательной системы предложено Р. Таагепером и М.С. Шугартом. Достоинства и недостатки различных избирательных систем широко обсуждаются в трудах Лейкмана Э. и Ламберта Д.Д., Васильева В.И., Лысенко В.И., Иванченко А.

В работе Каюнова О.Н. «Незримая логика избирательных законов» математически доказывается, что идеальной демократической процедуры проведения выборов не существует [4. С. 48].

Анализ выборов в основном представлен в периодической печати [6. С. 87-98], в обобщенном виде он осуществлен в монографии А.В. Иванченко, А.В. Кынева и А.Е. Любарева «Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы» [5]. Эта работа в настоящее время является практически единственным фундаментальным трудом, посвященным пропорциональной избирательной системе в России.

Этим проблемам посвящены научные труды Т.В. Зоной, где рассматриваются кардинальные изменения в политической системе Италии произошедшие в этот период, дан обстоятельный обзор политической борьбы в стране по важнейшим аспектам внешней и внутренней политики, в том числе по проблеме европейской интеграции [3. С. 51-57].

В научных работах известных итальянских политологов Стефано Бартолини [7], Леонардо Морлино [9], Мауро Кализе, Мария де Паола и Винченцо Скоппа [8] рассматриваются проблемы изменения конституционного законодательства, трансформация избирательной системы, вопросы европейской интеграции и о роли Парламента Италии в процессах демократизации общества.

В данном исследовании нашли отражение доклады зарубежных аналитических центров: Группы по изучению партийных выборов и референдумов в Европе Университета Сассекса (European Parties Elections and Referendums Network), а также Института международных отношений (Istituto Affari Internazionali) и Демос & Пи (Demos & Pi), базирующихся в Италии.

Особого внимания заслуживают использованные в исследовании аналитические доклады, подготовленные ведущими научными сотрудниками Института Европы РАН. Тематические доклады ИЕ РАН, как правило, приуроченные к важным историческим датам или современным событиям, всегда представляют собой исследование одной темы с разных точек зрения и используют комплексный подход. Среди наиболее актуальных работ, касающихся выборов в политической жизни Италии, стоит отметить: Доклад № 349 «Современная Италия: старые проблемы, новые вызовы» 2018 г.; Доклад № 341 «Современная Европа: 60 лет после Римских договоров» 2017 г.; Доклад № 338 «Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса» 2017 г.; Доклад № 316 «Италия: от Второй республики к Третьей?» 2015 г.

В основе используемой автором методологии лежит структурный анализ понятий «система», «выборы» и «процесс» в контексте универсальных общенаучных диалектического и системного подходов.

Исследование базируется на принципах научности, историзма, объективности, которые раскрывают закономерности и особенности избирательных систем, выборного процесса и технологий. Данные принципы способствовали систематизации объективных знаний о действительности, критическому восприятию фактов без отрыва их от политической среды, дали возможность создания достоверной картины публичных выборов, а также определения противоречий и взаимовлияний различных факторов на объект исследования. Одним из основных стал принцип объективности в изучении реформирования политических систем России и Италии, а также механизмов их трансформации под влиянием внешних и внутренних политических процессов.

В качестве одного из ключевых подходов использовался ситуационно-факторный анализ, что позволило автору выявить основные факторы, направляющие развитие выборных процессов в этих странах. Ранжированная оценка факторов развития политических процессов помогает достаточно корректно выявить «точки соприкосновения» анализируемых ситуаций.

В работе применены также частные методы, включающие сравнительно-политологический, проблемно-хронологический и историко-хронологический подходы. Сравнительно-политологический подход позволил раскрыть сущность теоретико-методологических подходов к оценке феномена публичных выборов, а также провести их сравнение на различных хронологических этапах.

Проблемно-хронологический подход позволил автору выделить из заявленной темы ряд узких проблем, каждая из которых рассматривается в хронологической последовательности: детерминанты избирательного процесса, содержание публичных выборов, особенности формирования избирательной системы в России и Италии, последствия ее применения при публичном голосовании, пути выхода из кризисных ситуации. Это обеспечило более детальное изучение фактов с позиций взаимосвязанного процесса.

Историко-хронологический метод позволил автору проследить взаимосвязь общего и частного в процессе принятия ключевых политических решений по важным государственным вопросам проведения предвыборных кампаний и подведения итогов всенародного голосования.

Среди прикладных методов научного исследования работа опирается на общенаучные логические процедуры: анализ и синтез, дедукцию, типологизацию, методы эмпирического исследования: качественный анализ документов, периодической печати, сравнительный анализ, прогнозирование.

Методологическая основа исследования определена спецификой работы является подтверждение теоретических разработок эмпирическими

исследованиями с использованием компаративного анализа. В качестве наиболее приемлемых методов исследования использованы общенаучные и специальные социологические методы. Общенаучные методы на уровне системного, структурно-функционального подходов в основном направлены на теоретическую разработку проблемы научного исследования и включены в теоретический раздел работы. Социологические методы, среди которых реализованы контент-анализ и экспертное интервью необходимы для подтверждения предположений научной работы на практике. Развитие в работе эмпирической стратегии имеет своей целью более подробно представить проблему исследования в объективных показателях.

Использование вышеуказанных методов в своей совокупности позволило автору решить исследуемую проблему данного направления.

Результаты. В различные органы власти необходим разный подход и принцип выборов кандидатов, для этого существуют три вида избирательных систем, каждая в свою очередь делится еще на подвиды для удобства подсчета голосов и распределения пропорционально по кандидатам, спискам и т.д. Например, мажоритарная избирательная система делится на мажоритарную абсолютного большинства (50%+1) и относительного большинства (когда выигрывает кандидат, который набрал большее количество голосов из всех кандидатов).

Выделены «классические» избирательные системы (мажоритарная система абсолютного, относительного и квалифицированного большинства, пропорциональная и смешанная системы), и «неклассические»: система единственного непередаваемого голоса, кумулятивный вотум, «панаширование», преференциальное голосование, система единственного передаваемого голоса. Рассмотрим, как избирательные системы реализуются в Европе при выборах в Парламент. В июне 2004 года граждане 25 европейских стран пришли на избирательные участки, чтобы избрать своих представителей в Европейский парламент. Многие делали это впервые, а другие имели опыт примерно пяти подобных выборов. В 2004 году выборы во всех странах проводились по избирательной системе пропорционального представительства («классической модели голосования»).

Акт о выборах депутатов Европейского парламента всеобщим прямым голосованием 1976 года предусматривал много моментов в отношении выборов, таких как длительность парламентского срока и приемлемость кандидатов, однако не определял саму избирательную систему, которая должна была быть использована на этих выборах. Он, однако, возлагал на Европейский парламент обязанность разработать предложение по единой избирательной процедуре. До вступления такой процедуры в силу Акт предоставлял государствам-участникам возможность применять по отношению к избирательной процедуре нормы национального законодательства. Так как большинство стран к тому времени использовали для выборов в свои

законодательные органы тот или иной вид системы пропорционального представительства, выбор процедуры выборов в Европарламент не был сложным. Бельгия, Дания, ФРГ, Италия, Люксембург и Нидерланды были хорошо знакомы с той или иной формой системы пропорционального представительства по спискам, все их представители избирались по этой системе (кроме одного представителя из Гренландии, включенного в представительство Дании, который избирался по системе FPTP – мажоритарная система простого большинства голосов, пока Гренландия не вышла из европейского сообщества в 1985 году). Ирландия решила избирать своих представителей по системе одного передаваемого голоса (STV) [2].

Было только два исключения: Великобритания с применяемой там избирательной системой FPTP и Франция с применяемой там двухтуровой избирательной системой («неклассическая» модель голосования) были не знакомы с системой пропорционального представительства [2].

Как правило, в процессе проведения выборов учитываются все не проработанные зоны и пробелы в законодательстве, плюс сама среда подсказывает, какие изменения будут в новых реалиях работать лучше, и учитывать интересы избирателей и кандидатов в народную власть. Поэтому после выборов пересматривается и вносится изменения в законодательство о выборах.

Результаты выборов подлежат пересчету в «ручную» – членами избирательных комиссии, как и в любой сфере, там, где считает человек не исключен человеческий фактор ошибок и пересчетов, а также расчеты в определенном заданном направлении при факторах давления партий и кандидатов которые хотят занять свое место во власти и набрать большее количество голосов.

Власть принадлежит элите (правлящей элите) – первые выборы в Президенты РФ были свободными и легитимными, когда победил Б.Н. Ельцин. Дальнейшие выборы в Президенты РФ были по своей сути уже решенными заранее и побеждал тот кандидат, которого выбрали и назначили в политических кругах. Выборы на все высшие должности даже когда побеждает политическая партия, у нее как правила уже имеется список кандидатов, которые займут места в Государственной Думе. Поэтому выборы, на сегодняшний день, сложно назвать честным открытым волеизъявлением народа.

В Италии развиты институты малых политических партий. Сегодня в Италии решающую роль при формировании исполнительных органов власти играют мелкие партии, которые входят в правящую коалицию, а также легко покидают ее и провоцируют мощные политические кризисы.

Нечто подобное уже происходит и в России, так как мы стоим на пороге таких же изменений в реформировании избирательной системы страны. Первый заместитель руководителя администрации Президента РФ С.В. Кириенко активно развивал идею участия малых партий в выборах в депутаты Государственной Думы в сентябре 2021 году, так в них приняло участие

всего 14 партий. По результатам выборов пятипроцентный барьер преодолели 5 партий: «Единая Россия» – 49,82%, КПРФ – 18,93%, ЛДПР – 7,55%, «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» – 7,46%, «Новые люди» – 5,32%. Также получили по одному мандату кандидаты от «Партии Роста», «Родины» и «Гражданской платформы».

Ряд оппозиционных политиков не были допущены к выборам. По сравнению с предыдущими выборами увеличилось число и разнообразие причин, по которым оппозиционеров снимали с предвыборной гонки. На некоторых оппозиционеров, объявивших о желании баллотироваться, были заведены уголовные или административные дела. Другие оппозиционные политики из-за опасений уголовного преследования были вынуждены отказаться от участия в кампании и уехать из России [1].

Италия и Россия действуют на основе конституционного строительства. Высшие законодательные органы власти в Италии – Палата Депутатов и Сенат. В России это Государственная Дума (депутаты) и Совет Федерации (сенаторы). Итальянский опыт представляется интересным для Российской Федерации, поскольку мы тоже стоим на пороге реформирования избирательной системы, у нас очень похожа политическая культура и природа политической системы.

Дискуссия. Италия принадлежит к числу стран, не достигших подлинного национального единства. Между тем, ей приходится решать труднейшие вопросы сочетания жесткой экономической политики, требуемой установлениями Европейского союза, и гибкого социального курса, имеющего в виду удовлетворение разнородных социальных интересов.

Для современного итальянского общества характерно разочарование в политике и в политических деятелях. Невысокий авторитет парламента, чему способствуют такие заложенные еще в институциях Первой республики особенности, как дублирование функций двух его палат (Палаты депутатов и Сената), загруженность их мелкими вопросами и установлениями, а в результате – медлительность в принятии окончательных решений по важным вопросам, нередко срывающая одобрение этих решений из-за истечения сроков легислатуры. Неслучайным поэтому представляется отсутствие у итальянского населения активного интереса к политическим и властным конфигурациям, а порой и прямое отвращение к политике и политикам. Нынешняя итальянская партийная система внешне не имеет ничего общего с партийной системой 25-летней давности, хотя многие ее недостатки сохранились, а ряд преимуществ утрачен. Собственно, левые силы сведены к положению маргинализованных радикальных групп, а политическую авансцену в течение ряда последних лет занимали правые и правопоцентристские группировки. Лидирующее в прошлом положение левых сильно подорвано и в сфере культуры. На смену несовершенной (из-за фактического отсутствия ротации), но чрезвычайно ярко выраженной двухпартийности

пришла система попеременного прихода к власти двух коалиций – правоцентристской и левоцентристской, при нарастании популистских тенденций.

Поэтому в России пошли на более радикальные шаги по совершенствованию выборного процесса. В целях определения результатов выборов в России независимым и компетентным органом, были созданы окружные избирательные комиссии и участковые избирательные комиссии (УИК). Независимость УИК при осуществлении ее полномочий: В соответствии с пунктом 12 статьи 20 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав» избирательные комиссии, в том числе УИК, в пределах своей компетенции независимы от органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Заключение. Итальянский выборный опыт представляется интересным для Российской Федерации, поскольку мы тоже стоим на пороге реформирования избирательной системы, у нас очень похожа политическая культура и природа политической системы. На сегодняшний день многие в Италии полагают, что именно в несовершенстве избирательной системы и кроется причина широко известной итальянской политической нестабильности. Ведь сегодня в Италии решающую роль при формировании исполнительных органов власти играют мелкие партии, которые входят в правящую коалицию, а также легко покидают ее и провоцируют мощные политические кризисы.

Проводя сравнительный анализ сложившихся на сегодня избирательных систем России и Италии можно констатировать, что последние изменения в конституционном законодательстве обоих государств показали, что такие трансформации обусловлены, во-первых, практикой установления необходимых взаимосвязей в работе высших органов государства (отсутствие этого, исходя их опыта противоборства законодательной и исполнительной власти ведет к кризису всей политической системы), во-вторых, классические формы правления имеют недостатки, присущие форме как таковой, например, парламентарной республике свойственна нестабильность правительства, частые правительственные кризисы и отставки (прекрасный тому пример имеется в Италии, где за последние десятилетия сменилось 58 правительств), в-третьих, возникновение смешанных и «неклассических» форм связано с ростом роли общечеловеческих ценностей, влиянием «несистемных» политических партий (общественных движений и фондов), и, наконец, с активным проявлением «протестного» общественного мнения.

Российская Федерация сегодня стоит на пороге реализации конституционных изменений, которые уже привнесли за собой реформирования высших органов власти и самой формы правления, наделения новыми полномочиями депутатов Государственной Думы РФ при формировании Правительства, ведение института «пожизненных сенаторов» и появлению на парламентских выборах в 2021 году новых «молодых» политических партий и партийных лидеров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Барышева Е. Что нужно знать о выборах-2021 в Госдуму // Deutsche Welle. 16 сентября 2021.
2. Европейский парламент: выборы в национальный орган (ACE Electoral Knowledge Network) // https://aceproject.org/ace-ru/topics/es/esy/esy_ep.
3. Зонова Т.В. Российско-итальянские отношения: история и современность // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1 (22).
4. Каюнов О.Н. Незримая логика избирательных законов. М.: Изд. Магистр, 1997.
5. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы / под общ. ред. А.В. Иванченко, А.В. Кынева, А.Е. Любарева. М.: Аспект Пресс, 2005.
6. Черепанов В.А. Пропорциональная избирательная система: за и против // Журнал российского права. 2013. № 6.
7. Leonardo Morlino. Democrazie e Democratizzazioni (2003, в соавторстве), Fondamenti di Scienza Politica (2004) и Assessing the Quality of Democracy (2005).
8. Maria De Paola and Vincenzo Scoppa. The impact of closeness on electoral participation exploiting the Italian double ballot system // Italian Politics. Vol. 30. The Year of the Bulldozer. 2014.
9. Stefano Bartolini. Restructuring Europe: Centre Formation, System Building and Political Structuring between the Nation State and the EU (2005) and The Class Cleavage: The Electoral Mobilisation of the European Left 1880-1980. 2000.

E.A. LEBEDEVA

*Postgraduate student at the Chair of comparative
political science MGIMO MFA of Russia,
Moscow, Russia*

THE MECHANISM OF ELECTABILITY IN THE FORMATION OF PUBLIC AUTHORITIES IN RUSSIA AND ITALY

Revealing the problems of electoral processes in the article, the author formulates a hypothesis about how the political system of Russia can develop and change through comparison with the experience of reformation of the Italian political system. In carrying out his research, the author used the modeling method which allowed him to consider various types and methods of holding legislative elections in order to derive a realistic ideal model adapted to the requirements of modern society and the state. The epistemology of the research lies in the fact that the object of knowledge in this scientific work is electoral processes and

technologies directly targeted by the cognitive activity of citizens. The subject of cognition is a separate individual, a citizen who has the right to elect or be elected to government bodies, as well as social groups (political parties, social movements, factions and coalitions in parliaments) that carry out cognitive activities. It makes it possible to track the specific interaction between the subject and the object, the ultimate goal of which is to achieve the truth, to provide technologies, algorithms, models and programs aimed at mastering the object in accordance with the needs of the subject. The methodology used by the author is based on the structural analysis of such concepts as "system," "elections" and "process" in the context of universal general scientific dialectical and systemic approaches. The research is based on the principles of science, historicism and objectivity which reveal the patterns and features of electoral systems, the electoral process and technologies. These principles contributed to the systematization of objective knowledge about reality and critical perception of facts without taking them away from the political environment, made it possible to create a reliable picture of public elections, as well as to determine the contradictions and mutual influences of various factors on the object of research. This scientific development is based on the principle of objectivity in the study of the mechanisms of electability in the formation of public authorities in Russia and Italy and transformation thereof under the influence of external and internal political processes.

Key words: *elections, processes, technologies, electoral system, political party, public power, transformation.*

АНАЛИЗ ИСТОРИИ И ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ УКРАИНОЙ И РОССИЕЙ НА ОСНОВЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Украина расположена в центре Евразии и граничит сразу с несколькими странами. После распада Советского Союза она стала объектом конкуренции России, Западной Европы и США. Внутренние этнические и религиозные особенности Украины сложны, культурные и политические тенденции разнонаправлены, а ее внутренняя олигополия и экономический спад привели к большей неопределенности во внешней стратегии. Поэтому изучение украинской национальной трансформации имеет важное практическое значение. В данной статье используется метод количественного исследования международных отношений Университета Цинхуа, предназначенный для расчета и изучения отношений между Украиной и Россией. В то же время с помощью указанного метода в статье анализируется внутренняя и внешняя политика Украины. Результаты исследования могут быть использованы специалистами по международным отношениям.

Ключевые слова: национальная трансформация, количественные исследования, украино-российские отношения.

В связи с коренными изменениями в Восточной Европе в 1990-х годах и распадом Советского Союза в структуре мировой политики произошли колоссальные изменения. В отношении сложившегося мирового порядка можно выделить три основных положения [3]. Первый – это «свободный международный порядок» Икенберри [6], который защищает независимость и предусматривает невмешательство в дела других стран в рамках ряда международных систем, второй – «многополяризация» Примакова [10]: конец биполярной модели, упадок западных держав, подъем развивающихся стран, поддержание международной социальной стабильности и неприятие гегемонии; последнее – это состояние беспорядка, за которое выступает Киссинджер [9]. При этом важно, что этот беспорядок подразумевает требования стран к разным типам мироустройств. В настоящий момент мно-

гие страны мира стараются установить выгодный для себя порядок. Поэтому вполне объяснимо, почему Украина, расположенная в центре Евразии, в случае глобального беспорядка неизбежно станет местом противостояния крупных держав. Это подтверждает важность изучения международных отношений Украины.

Внутренние исследования Украины в основном сосредоточены на таких вопросах, как украинский кризис, цветная революция и национализм. Например, Чжао Минвэнь [13] указывал, что в украинском кризисе и его цветных революциях нет победителя. Россия, Европа, США и Украина сами уже заплатили и будут платить огромную цену за произошедшие события; конкуренция между крупными державами на Украине чрезвычайно остра, а Украина уже стала жертвой глобального и национального экономических коллапсов. Ван Цзюнь [12] отмечал, что украинский кризис был результатом сочетания таких факторов, как национальность, демократическая политика и геополитические игры между крупными державами, и заявлял, что украинский кризис не может быть разрешен за короткий период времени. Некоторые ученые за пределами Китая считают, что все основные события в Украине нельзя отделить от крупных держав. Шевцов [1] писал, что украинская война была проявлением трансформации Европы, и подчеркнул, что украинский кризис вызвал эффект домино в международной политической повестке дня. Это привело к переходу власти в Европе, странах бывшего Советского Союза и других регионах.

Хотя Украина была независимой в течение 30 лет, ее трансформация не была гладкой. Сегодняшняя Украина – типичный представитель «несостоявшейся страны». Олигархические элиты контролируют экономику и политику страны и не могут построить стабильный и эффективный национальный рабочий механизм. Они больше сосредоточены на собственных интересах и рассматривают государство как инструмент обогащения и власти для реализации личных амбиций. В связи с этим некоторые ученые [11] предположили, что конфликты сепаратизма в отдельных регионах контролируются элитами, с одной стороны, и силами внешней поддержки – с другой. Собственно, именно силы внешней поддержки оказывают наибольшее влияние на отношения Украины с крупными державами. Они определяют и внутреннюю, и внешнюю политику Украины. Лян и др. [7] прямо указывали, что украинские власти должны побеждать, а граждане должны проигрывать. В определенной степени это также иллюстрирует контроль элиты над всей ситуацией и отчаяние народа. Шевцов предположил, что война, разразившаяся на Украине, углубила идентификацию жителей востока Украины как русских и обострила внутренние конфликты в Украине.

Таким образом, исследования академических кругов по Украине сосредоточены на цветной революции, украинском кризисе и этнических проблемах. Политика Украины является объектом анализа многих исследова-

ний. Зачастую в них предпринимается попытка выяснить причины провала национального плана развития и трансформации Украины с точки зрения страны, и практически отсутствуют количественные исследования и анализ с точки зрения истории отношений с крупными державами. Поэтому анализ развития Украины с точки зрения истории отношений Украины с крупными державами имеет определенное практическое значение.

В данной статье для количественного анализа отношений между Украиной и другими странами используется метод количественного измерения международных отношений по «Базе данных отношений между Китаем и крупными державами» Университета Цинхуа [7]. Как показано на Рисунке 1, двусторонние отношения между странами можно разделить на шесть уровней: «конфронтация» (-9-6), «напряженность» (-6-3), «дисгармония» (-3-0), «обыденный» «(0-3), «хорошо» (3-6) и «дружественно» (6-9). Каждый уровень далее делится на три уровня: высокий, средний и низкий. Положительные и отрицательные значения высокого, среднего и низкого уровней представляют собой полярные точки. Например, на хорошем уровне низкий уровень составляет 3-4, средний уровень – 4-5, а высокий уровень – 5-6; в уровне стресса низкий уровень составляет – 3-4, а средний уровень – 4-5, продвинутый уровень – 5-6. Каждый уровень разделен на десять степеней, и каждая степень имеет оценку 0,1. В этой статье 0,1 – наименьшая единица измерения.

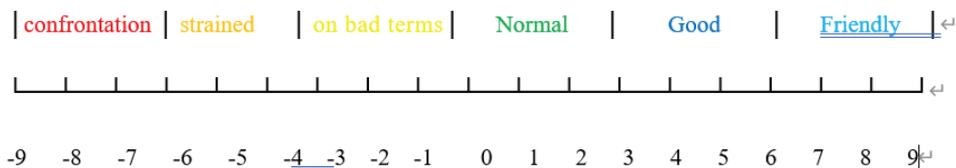

Рисунок 1. Критерии оценки двусторонних отношений

Как показано на Рисунке 2, количественное измерение процесса двусторонних отношений следует условно разделить на пять этапов: первый шаг – определить источник данных на основе информации, опубликованной на официальных сайтах в стране и за рубежом; второй шаг – получить требуемую информацию из отобранных источников данных. Затем следует выполнить классификацию и сортировку для определения событий и их категорий, которые влияют на национальные отношения; третий шаг – со-

ртировка в соответствии со стандартом оценки конверсии событий, установленным Университетом Цинхуа. Оценка конкретных событий показана на Графике 1. Четвертым шагом является анализ влияния двусторонних отношений, который количественно отображает изменения в отношениях между двумя странами. Как показано в формуле 1:

$$I = \begin{cases} \frac{N - p_0}{N} I_0, & I_0 \geq 0 \\ \frac{N + p_0}{N} I_0, & I_0 < 0 \end{cases}$$

В формуле I – это оценка влияния, когда отношения между двумя странами расположены в p_0 ; N – абсолютное значение диапазона изменения $(-9, 9)$ отношений между двумя странами; p_0 – начальное значение отношения между двумя странами непосредственно в момент происшествия. Независимость Украины была провозглашена в 1991 году, поэтому начальное значение – это время, когда Украина и некая страна установили дипломатические отношения, определяемое как 0; I_0 представляет собой значение события в таблице оценок событий, а диапазон изменений в отношениях между двумя странами составляет $[-N, N]$, в исследовании – $[-9, 9]$. В частности, следует отметить, что I_0 следует рассчитывать двумя способами: больше или равно 0 и меньше 0. В конечном результате, чтобы гарантировать, что значение, наконец, находится между $[9, -9]$, нам нужно сделать соответствующие упрощения. Если оценка воздействия события в этом году больше, чем оценка воздействия предыдущего года, то каждый раз она достигает 0,5. Двусторонние отношения изменяются в том же направлении на 0,1, то есть оценка влияния события, деленная на 5, представляет собой оценку двустороннего влияния за прошлый год. Следует отметить, что, поскольку все данные подвергаются процессу упрощения, это не влияет на конечный результат. Пятый шаг заключается в наложении отсортированных оценок влияния на оценки влияния предыдущего года. Полученное значение представляет собой оценки двусторонних отношений в текущем году и способствует дальнейшему анализу политики и ее тенденций.

Согласно методам количественного исследования отношений между крупными державами Университета Цинхуа, были собраны данные о дипломатических отношениях между Украиной и Россией. На Графике 1 представлена кривая изменения отношений между двумя странами с 1992 по май 2021 года. В целом за последние 30 лет дипломатические отношения между Украиной и Россией серьезно колебались, и их значение находилось в пределах $(-5, 3)$. Сравнивая отношения между крупными державами, можно увидеть, что отношения между двумя странами находились в нормальном, диссонирующем и напряженном состоянии. На графике показаны конкрет-

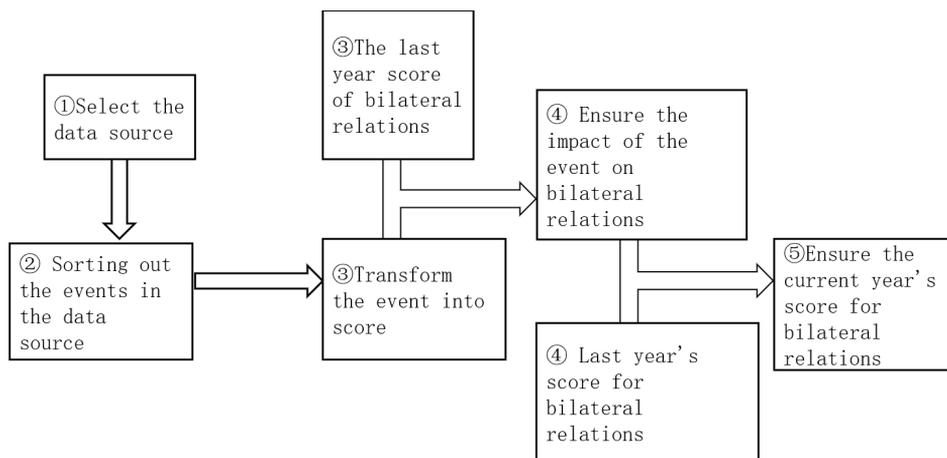

Рисунок 2. Процесс количественного измерения двусторонних отношений

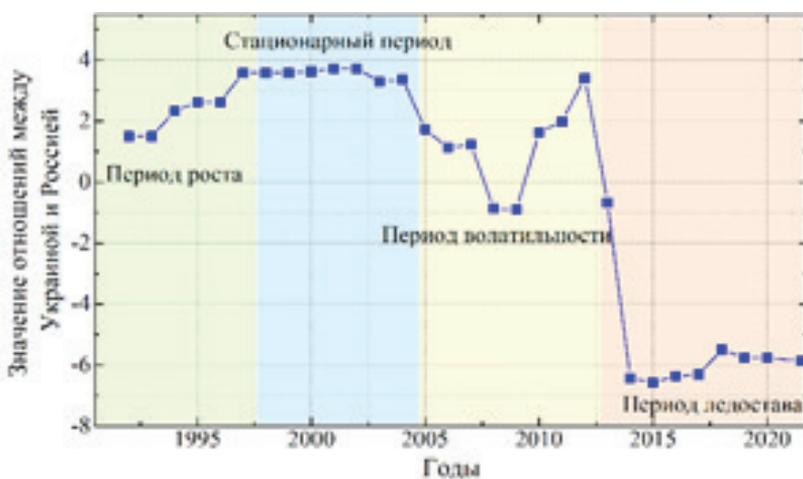

График 1. Изменение значения двусторонних отношений между Россией, и Украиной с 1992 г. по май 2021 г.

ные изменения в дипломатических отношениях между двумя странами. Автор считает, что отношения между Украиной и Россией после распада Советского Союза прошли четыре стадии: первая стадия – начальный период отношений между двумя странами, вторая стадия – период относительно стабильного развития, третий и четвертый – страны вступают в очень нестабильную и напряженную фазу [5] и ледяную фазу.

Первый этап российско-украинских отношений длился с 1992 по 1997 год. На этом этапе кривая на графике год от года возрастала. Это определялось дипломатическими событиями, которые происходили между двумя странами на этом этапе. Уже в феврале 1992 года между двумя странами возник серьезный спор по поводу владения Черноморским флотом, что привело к низким начальным показателям. В апреле 1994 года главы двух стран подписали «Соглашение о Постепенном решении проблемы Черноморского флота» в Москве. Соглашение перераспределило Черноморский флот в пользу Украины и России, и Украина получила 18,3% различных кораблей. После прихода к власти второго президента Кучмы, в экономическом отношении Россия помогла Украине решить проблему реструктуризации украинского долга и обеспечения энергоресурсами [8]. Чуть позже, во время визита Ельцина в Киев в 1997 году был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве, который на тот момент вывел отношения между Украиной и Россией на новый виток.

Второй этап развития отношений двух стран продлился с 1998 по 2004 год и отличался устойчивостью взаимодействия. Соответственно, кривая на Графике 1 в течение этого периода времени была почти стабильной, что указывает на то, что Украина не стремилась разорвать экономические связи с Россией в эти годы. С реальной точки зрения, российский рынок был единственным выбором для Украины в то время. 80% энергоресурсов тогда поставлялось в страну из России. После распада Советского Союза между Украиной и Россией началась короткая торговая война, однако, позже Украина скорректировала свою политику в отношении России и ввела внешнюю политику достижения баланса с Востоком.

Третий и четвертый этапы развития российско-украинских отношений начались в 2004 году после «оранжевой революции». Кривая на графике 3 начала в больших масштабах колебаться вверх и вниз: в этот период президент Украины Виктор Ющенко предложил путь европейской интеграции. Российская сторона была категорически против этого, поскольку такая политика серьезно угрожала ее интересам. Между двумя сторонами разразились две газовые «войны». Россия использовала цены на энергоносители, чтобы влиять на внутреннюю политику и дипломатию Украины; в то время как Украина использовала статус России как важной страны-транзитера энергоносителей для контратаки путем увеличения платы за транзит энергоносителей из России. В то же время Украина обратилась к политике диверсификации импорта энергоносителей и начала укрепление энергетического сотрудничества с азиатскими странами. Кроме того, в этот период в отношениях Украины с Россией по-прежнему существовало множество нерешенных проблем. Например, морская граница и делимитация сухопутных границ, правовой статус Черноморского флота России и другие вопросы. После вступления в должность Виктора Януковича в 2010 году отноше-

ния между двумя странами стали более тесными, и отношения между двумя сторонами стали нормализоваться. Только в 2010-2012 годах количество встреч на высшем уровне между двумя лидерами достигло в среднем 6-10.

Четвертый этап ознаменован вхождением Крыма в состав России. В 2014 г. кривая достигла минимального значения. На этом этапе российско-украинские отношения упали до точки замерзания. В конце 2013 года на Украине разразился политический кризис: оппозиция провела широкомасштабные акции протеста и досрочно провела всеобщие выборы. В результате Крым вошел в состав России, Петр Порошенко стал президентом Украины и подписал Соглашение об ассоциации с Европейским Союзом, а Украина официально начала процедуру присоединения к ЕС. Радикальная анти-российская внешняя политика Порошенко также привела к напряженности между украинскими этническими группами [4], и вооруженные конфликты в восточном Донбассе продолжают по сей день. В течение этого периода две страны не всегда находились в состоянии открытого противоборства, иногда они пытались улучшить отношения. Например, в 2017 году Россия выступила с инициативой по оказанию помощи в обмене военнопленными, а в 2019 году президенты обеих стран выступили с инициативой встречи и предложили восстановить отношения между двумя странами. Это сделало отношения между двумя странами нестабильными, но игры между Соединенными Штатами и Россией помешали сохранению мира в регионе.

Чжан Хун, научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, отметил: «Регулирование отношений между крупными державами является основной причиной напряженности на востоке Украины и отношений между Украиной и Россией». Для России Украина чрезвычайно важна, поскольку политическая ориентация Украины напрямую влияет на национальную безопасность России.

По мнению автора, в будущем отношения между Украиной и Россией должны иметь следующие характеристики: во-первых, конфликт между Украиной и Россией трудно разрешить в краткосрочной перспективе. Это подтверждается морским военным конфликтом между Украиной и Россией в ноябре 2018 г., а также разногласиями по политическим и экономическим вопросам. Причина в том, что существует множество факторов, таких как споры о суверенитете и тайная агитация стран внутри и за пределами региона. Во-вторых, возможность крупномасштабного вооруженного конфликта относительно невелика. Украина не может не замечать разрыв, существующий между подготовкой и оснащением ее собственных вооруженных сил и армией России [2]. Чтобы не происходило, Россия всегда перехватывала инициативу в украинско-российской игре и получала от этого реальную выгоду. Конфликт разросся и был заморожен другими странами. В случае открытого вооруженного столкновения Россия одержит победу [14],

а Украина может оказаться в наибольшем проигрыше. С другой стороны, западные страны используют Украину как рычаг воздействия на Россию. Россия отлично это понимает, поэтому будет пытаться сохранить сферу своего влияния.

Развитие Украины является важным фактором эволюции международного образца после распада Советского Союза, и оно окажет глубокое влияние на структуру европейской безопасности, развитие евразийского региона и эволюцию мирового порядка. Сегодня Украина все еще развивается, и, в конце концов, невозможно сказать, сможет ли она успешно трансформироваться. Однако, основываясь на кратком изложении истории международных отношений, их внутренних и внешних факторов, можно сделать предварительные предположения о тенденциях их развития.

В настоящее время перед украинской властью и элитами стоит проблема восстановления национального порядка и выхода из экономической рецессии. Только путем создания открытой, справедливой и прозрачной избирательной системы в стране и формирования политической системы, соответствующей собственному развитию Украины, позволяющей реальным элитам находиться на сцене украинской истории и полностью уважая требования народа, можно выстроить внутреннюю политику, требуемую для развития страны. Окружающая среда обеспечивает удобство для экономических реформ, способствует корректировке промышленной структуры и экономическому развитию. В то же время необходимо урегулировать противоречия различных этнических групп, укрепить чувство национальной идентичности, не давая шанса внешним сепаратистским силам».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Юрий Шевцов: «Война на Украине. Трансформация Европы» // РГГУ. 2018 г.
2. *Ding Peng Zhu Guichang*. The Strategic Evolution of the European Union to the Eastern Partnership Countries after the Cold War // International Forum. 2020. No. 4.
3. *Feng Shaolei*. Liberal International Order, Multipolarization and Russia's "2024 Agenda" // Russian Studies. 2020. № 1.
4. *He Wei*. Major Events in Ukraine in 1994. Russian Institute of Eastern Europe and Central Asia (cssn.cn).
5. Institute of International Relations, Tsinghua University (tsinghua.edu.cn).
6. *John Ikenberry*. Liberal Internationalism 3.0: American and the Dilemmas of Liberal World Order // Perspectives on Politics. 2009. Vol. 7. No. 1.
7. *Liang C., Park A.Y., Guan J.L.* Ukraine: Authorities Win, Citizens Lose // Dominant Social Theme. 2007.
8. *Liang Qiang*. U.S. Strategic Goals in the Ukraine Crisis-An Analysis Based on U.S.-Ukraine Relations // Russian Eastern Europe and Central Asia Studies. 2015. No. 2.

9. Neil Ferguson: “Kissinger: The Idealist”, translated by Chen Yiping. Beijing: Citic Publishing House, 2018.

10. Primakov E.: “What would the world be like without Russia?”, Translated by Li Chengzi, “Central Compilation and Publishing House”, 2015.

11. *Sun Chao*. The origin of the separatist Conflict: A Comparison of Pairing between Ukraine and Moldova based on the perspective of Domestic and Foreign Linkage // *European Studies*. 2016. № 06.

12. *Wang Jun*. National Political Interpretation of the Ukrainian Crisis // *International Security Research*. 2014. № 32 (4).

13. *Zhao Mingwen*. The causes and Effects of the mutation in the political Situation in Ukraine // *Research on International Issues*. 2014.

14. Zhang Lei: “A Preliminary Analysis of the Future Relationship between Russia and Ukraine” // *Legal System and Society*. 2019. № 2 (Part 2).

YANG FAN

*Master of Economics, St Petersburg University,
St Petersburg, Russia*

ANALYSIS ON THE HISTORY AND THE TREND OF UKRAINE’S RELATIONS WITH RUSSIA BASED ON QUANTITATIVE RESEARCH

Ukraine is located in the center of Eurasia and borders with many countries. After the dissolution of the Soviet Union, Ukraine became the target scramble among Russia and Western powers. However, Ukraine’s domestic ethnic and religious components are complex, its cultural and political tendencies are severely divided. Moreover, its domestic oligopoly and economic recession have caused great uncertainty in its foreign strategy. Accordingly, it is of great practical significance to analyze the national transformation of Ukraine. This paper uses the method of quantitative research on international relations by Tsinghua University to calculate and study the relations among Ukraine with Russia. At the same time, it analyzes and studies Ukraine’s domestic situation and international order on this basis. this paper analyzes the domestic situation and international order; providing suggestions for the Ukraine’s international relations and development.

Key words: *national transformation, quantitative research, Ukraine-Russian relations.*

DOI 10.35775/PSI.2021.40.6.010

УДК 32.323

Рецензент:

В.Ф. ПРЯХИН

*доктор политических наук,
профессор кафедры зарубежного регионоведения
и внешней политики Российского государственного
гуманитарного университета,
Россия, г. Москва*

РЕЦЕНЗИЯ НА СТАТЬЮ САФАРОВОЙ ЧИНАР ГАБИЛ КЫЗЫ ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ПОЛИТИКУ ТУРЦИИ В ГРУЗИИ (1991-2019) [13]

В рецензионной статье делается попытка проанализировать турецко-грузинские отношения в контексте геополитической стабильности и интересов России в этом регионе. В этой связи, избранная автором рецензируемой статьи тема, безусловно, представляет научный теоретический и прикладной политический интерес. Отношения между Турцией и Грузией – важнейший элемент системы стратегической стабильности как на Южном Кавказе, так и в более широком политико-географическом контексте.

Ключевые слова: *политика Турции, турецко-грузинские отношения, мусульманский Восток, христианский Запад, интересы России.*

Весьма важен тот факт, что турецко-грузинские отношения являются своеобразным «коромыслом» между мусульманским Востоком и христианским Западом. Для российского читателя статьи небезразлично также и то, что Грузия при благоприятных условиях может стать важным геополитическим мостом, связывающим Россию с одним из протогогемонов Большого Ближнего Востока – Турецкой Республикой, с которой Россия развивает конструктивные экономические отношения и сотрудничает в целом ряде узловых вопросов мировой политики – урегулирование в Сирии и Афганистан, борьба с международным терроризмом и наркотрафиком, строительство парадигмы Черноморского экономического сотрудничества.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3. С. 97-102; 4. С. 551-561; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21].

Однако проблему турецко-грузинских отношений, в контексте геополитической стабильности и учета интересов России нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

С учетом перечисленных выше факторов рецензируемая статья вызывает определенные вопросы, а подчас и недоумение. Прежде всего, нельзя согласиться с основополагающей концепции статьи о том, что современная Грузия является своеобразным полем соперничества между Турцией и Россией за сферы влияния. При этом некритично делаются ссылки на грузинских авторов, утверждающих, что Тбилиси ищет в Анкаре защиту от «российской диктатуры» над Грузией. Автору следовало бы отметить, что это утверждение противоречит исторической правде, так как Грузия вошла в состав России добровольно согласно Георгиевскому трактату, после того как вследствие геноцида Османов численность грузинской нации сократилось до сорока тысяч человек.

Весьма сомнителен также цитируемый в рецензируемой статье тезис отдельных грузинских авторов о «советском диктате» над Грузией в период 1921-1991 г. Припоминается в этом отношении высказанная автору настоящей рецензии представителем Грузии в ОБСЕ Л. Микеладзе оценка: «Мы жили, как боги». В данном контексте автор мог бы упомянуть о том, что безусловным диктатором над всем советским пространством в течение двадцати семи лет бал лидер грузинского происхождения. Этот факт сказался, в частности, на генезисе проблемы турок-месхетинцев, которой уделено значительное место в рецензируемой статье. Российский исследователь К.М. Цаголов представил в свое время при обсуждении этой проблемы в ОБСЕ документы, свидетельствующие о том, что упомянутое автором решение Государственного комитета обороны о депортации турок месхетинцев было подписано И.В. Джугашвили по предложению Л.П. Берии.

Автор верно пишет, что Турция выступала за сохранение территориальную целостность Грузии в период девяностых годов прошлого века. В столь серьезном исследовании однако стоило бы указать и на то, что поддержка эта не была однозначной. Видимо автору неизвестно, что реальная, а не декларируемая, политика Анкары в тот период в значительной степени определялось весьма влиятельным абхазским лобби в турецкой политической элите. Между Сухумом и Трабзоном, а также другими турецкими портами постоянно курсировали суда, принадлежавшие семье тогдашнего лидера Абхазии В. Ардзинбы. Россия же вплоть до известных событий в августе 2008 года, спровоцированных авантюристическим курсом режима Саакашвили, последовательно выступала за сохранение территориальной целостности Грузии в пределах грузинской Советской Социалистической Республики. Это, в частности, выражалось в блокировании российскими пограничниками упомянутых судов В. Ардзинбы.

Автор совершенно справедливо уделяет значительное место вопросам экономического сотрудничества в Черноморском регионе и грузино-турецких отношениях. Несомненно также, что тема трубопроводов в данном аспекте является ключевой. Стоило бы наверняка показать, что создание трубопроводной инфраструктуры в регионе и между Грузией и Турцией может и должно осуществляться с учетом интересов России и при ее участии. Транспортировка энергоносителей из Средней Азии, Азербайджана и Казахстана через Грузию и Турцию на Запад отнюдь не является конкурентной по отношению к российским поставкам газа в Европу с учетом огромных потребностей Европейского Союза с населением в 500 млн человек. Более того, в трубопроводном строительстве через Грузию и Турцию Россия также могла бы внести вклад поставками оборудования и труб, а также передачей опыта, накопленного в строительстве трубопроводов на территории России и за рубежом.

Вызывает недоумение утверждение автора о том, что нормализации отношений Турции с новыми независимыми государствами Южного Кавказа помешали «ложные заявления о «геноциде» Армении, еще одной Республики Южного Кавказа». В данном контексте необходимо иметь в виду, что геноцид армянского населения Османской империи в 1915 году признан большим числом государств мира, включая большинство государств-постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Несмотря на отмеченные выше недостатки, несоответствия и ошибки, импонирует серьезность и основательность подхода автора к избранной теме, большое количество источников, использованных ею и стремление к определенной объективности в очевидных административных рамках.

Хотелось бы пожелать, чтобы в будущих исследованиях на эту тему автор в большей степени исходил из того, что весь регион Закавказья должен являться платформой конструктивного сотрудничества как экономического, так и политического, а не ристалищем для конкуренции и противоборства.

Заявление о прекращении огня в Нагорном Карабахе от 9 ноября 2020 года да, подписанное при посредничестве России, открывает новые возможности для развития такого сотрудничества, так как предусматривает установление прямого транспортного сообщения между Турцией и Азербайджаном.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Афонин А.Д.* Интеграционные процессы Евросоюза и Грузии в контексте энергосетей // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 7 (76).

2. *Койбаев Б.Г., Наджарян А.Б.* Влияние третьего сектора на процессы разработки и реализации государственной политики в Республике Армения // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 10 (74).

3. *Медведев Н.П.* Современные проблемы межрегионального сотрудничества и реинтеграции в постсоветском пространстве // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 2 (28).

4. *Медведев Н.П., Глебов В.А.* К вопросу о способах урегулирования политических конфликтов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 5 (44).

5. *Медведев Н.П.* Национальное самоопределение или «этнические чистки»? М., 1994.

6. *Мехдиева У.М.* Имидж политического лидера в контексте истории (на примере Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева) // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 2 (66).

7. *Михайленко А.Н., Умеров Д.А.* Модель гармонизации стратегии и тактики российской внешней политики // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 1 (65).

8. *Петрович-Белкин О.К., Буторов А.С., Буторова О.М.* Российско-армянское сотрудничество в сфере обеспечения энергетической безопасности на Южном Кавказе (1991-2021 гг.) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 10 (79).

9. *Петрович-Белкин О.К., Буторов А.С., Буторова О.М.* Военно-техническое сотрудничество России и Армении как фактор обеспечения безопасности на Южном Кавказе (1991-2020 гг.) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 8 (77).

10. *Плиев С.М., Кулумбегова Л.Т., Санакоев И.Б., Буторов А.С.* Вопросы реализации механизмов мягкой силы Грузии в отношении Южной Осетии // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 10 (74).

11. *Пряхин В.Ф.* Государства постсоветского пространства как объект противоборства великих держав // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 1 (35).

12. *Рупакова Е.А.* Возможности и перспективы белорусско-российского взаимодействия с Турецкой Республикой // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 6 (70).

13. *Сафарова Ч.Г.* Факторы, обуславливающие политику Турции в Грузии (1991-2019) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 12 (81).

14. *Слизовский Д.Е.* Перестройка в СССР в историографии: актуальные предпочтения // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 9 (73).

15. *Слизовский Д.Е.* Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев: внушивший доверие? (Рецензия на статью Улькер Мастафа кызы Мехдиевой «Имидж политического лидера в контексте истории (на примере Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева)») // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 3 (67).

16. *Слизовский Д.Е., Шуленина Н.В.* Содружество независимых государств: новые актуальности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 1 (35).

17. Урнер Мехмет. Перспективы развития российско-турецких отношений // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 2 (66).

18. Харитонова Л.Н., Завалишин Н.С. Политическое представительство национальных интересов в контексте концепции «национальной безопасности» // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 8 (72).

19. Хлопов О.А. Меняющаяся геополитика энергетической инфраструктуры каспийского региона // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 2 (36).

20. Шангараев Р.Н. Формирование концептуального подхода турецкой внешней политики в Центральной Азии // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 2 (66).

21. Pryakhin V.F. Россия в глобальной политике. Учебник и практикум. М., 2019. Сер. 58: Бакалавр. Академический курс.

Reviewer:

V.F. PRYAKHIN

D.Sc. (political science), Professor,

Department of Area Studies and Foreign Policy, RSHU,

Moscow, Russia

REVIEW OF THE ARTICLE BY CHINARA SAFAROVA FACTORS DETERMINING GEORGIAN POLICY OF TURKEY (1991-2019)

The review article attempts to analyze Turkish-Georgian relations in the context of geopolitical stability and Russia's interests in this region. In this regard, the topic chosen by the author of the reviewed article is certainly of scientific theoretical and applied political interest. Relations between Turkey and Georgia are an essential element of the system of strategic stability both in the South Caucasus and in a broader political and geographical context.

Key words: *policy of Turkey, Turkish-Georgian relations, Muslim East, Christian West, Russian interests.*

НАШИ АВТОРЫ

Аюпова Зауре Каримовна – доктор юридических наук, профессор КазНАИУ, ВНС Научно-образовательного Центра Алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», Республика Казахстан, г. Алматы (zaure567@yandex.kz).

Бацазов Георгий Тельманович – аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва (geor.354315@mail.ru).

Ван Цзюньтао – кандидат политических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Россия, г. Санкт-Петербург (juntao2013@yandex.ru).

Вовенда Алексей Викторович – кандидат политических наук, старший преподаватель Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Россия, г. Санкт-Петербург (vovenda-1c@mail.ru).

Кусаинов Дауренбек Умирбекович – доктор философских наук, профессор Казахского национального педагогического университета им. Абая, ВНС Научно-образовательного Центра Алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», Республика Казахстан, г. Алматы (zaure567@yandex.kz).

Лебедева Елена Алексеевна – аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, Россия, г. Москва (lebedeva.g77g@gmail.com).

Малахов Антон Александрович – начальник юридического отдела Федерального исследовательского центра картофеля имени А.Г. Лорха, Россия, г. Москва (ya9551@gmail.com).

Музалевский Владислав Алексеевич – выпускник аспирантуры МГИМО МИД России по кафедре мировых политических процессов, Россия, г. Москва (muzalevksij.v.a@my.mgimo.ru).

Николенко Анастасия Алексеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (Anastasiya.Nikolenko@vvsu.ru).

Пряхин Владимир Федорович – доктор политических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета, Россия, г. Москва (pryakhin2010@mail.ru).

Цзю Дун – младший научный сотрудник, генеральный секретарь Центра исследований западного развития Сычуаньской академии социальных наук, Китай (juju008@126.com).

Ян Фань – магистрант экономики Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (evrazsouz@yandex.ru).

OUR AUTHORS

AYUPOVA Z.K. – Doctor of Law, Professor of KazNARU, VNS of the Scientific and Educational Center Altaistics and Turkology “Big Altai”, Almaty, Kazakhstan.

BATSAZOV G.T. – Graduate Student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

JU DONG – Junior Researcher, Secretary General of the Center for Western Development Studies, Sichuan Academy of Social Sciences, China.

KUSSAINOV D.U. – Doctor of Philosophy, Professor of KazNPU named after Abai, VNS of the Scientific and Educational Center Altaistics and Turkology “Big Altai”, Almaty, Kazakhstan.

LEBEDEVA E.A. – Postgraduate student at the Chair of comparative political science MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia.

MALAKHOV A.A. – Federal Potato Research Center named after A.G. Lorkh, Moscow, Russia.

MUZALEVSKIY V.A. – alumnus of post-graduate school of Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia, World Politics Department, Moscow, Russia (muzalevskij.v.a@my.mgimo.ru).

NIKOLENKO A.A. – Candidate of Political Science, Associate Professor Department of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and service, Vladivostok, Russia.

PRYAKHIN V.F. – D.Sc. (political science), Professor, Department of Area Studies and Foreign Policy, RSHU, Moscow, Russia.

VOVENDA A.V. – Senior lecturer, PhD in Political Science, High School of international relations, Institute of Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.

WANG JUNTAO – Associate professor, PhD in Political Science, High School of international relations, Institute of Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.

YANG FAN – Master of Economics, St Petersburg University, St Petersburg, Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 10 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 13 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Сноски помещаются постранично, нумерация сносок должна быть сквозная. Шрифт – 12, межстрочный интервал – 1.

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

7. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

8. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наш сайт: www.evrazsouz.ru

E-mail: evrazsouz@yandex.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич – доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ, Россия, г. Москва

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА:

АБРАМОВА Ольга Дмитриевна – главный редактор журнала, доктор политических наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

БОЖАНОВ Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой и отечественной культуры Белорусского Национального технического университета, Белоруссия, г. Минск

НАСИМОВА Гульнар Орленбаевна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политологии факультета философии и политологии Казахского Национального университета им. Аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

АБРАМОВ Валерий Леонидович – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра исследований международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры государственного регулирования экономики Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, академик РАЕН, Россия, г. Москва

АРУПОВ Акимжан Арупович – доктор экономических наук, профессор, академик Международной академии информатизации, директор Института мировой экономики и международных отношений, член Национальной комиссии по структурным реформам в системе образования Центра Болонского процесса и академической мобильности Министерства образования и науки Республики Казахстан, Казахстан, г. Алматы

АЮПОВА Зауре Каримовна – доктор юридических наук, профессор Казахского национального аграрного университета, стипендиат Программы Фулбрайт Правительства США, академик Казахстанской национальной

академии естественных наук, академик Международной Академии информатизации, Республика Казахстан, г. Алматы

БЕКБОСЫНОВ Мэлс Боромбаевич – Председатель Попечительского Совета журнала, доктор политических наук, Россия, г. Москва

БЛОХИН Владимир Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

ВЫСОЦКИЙ Андрей Викторович – кандидат политических наук, заместитель главного редактора научного журнала «Евразийский Союз: вопросы международных отношений», Россия, г. Москва

ГАЙДУК Вадим Витальевич – доктор политических наук, кандидат юридических наук, руководитель Центра политико-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Россия, г. Уфа

ГОНЧАРОВ Петр Константинович – доктор социологических наук, профессор Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), Россия, г. Москва

ГРИШНОВА Елена Евгеньевна – доктор политических наук, профессор кафедры информационной аналитики и политических технологий Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, Россия, г. Москва

КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

КИРАБАЕВ Нур Серикович – доктор философских наук, профессор, проректор по науке Российского университета дружбы народов, Россия, Москва

КОЗЛОВ Геннадий Яковлевич – доктор исторических наук, профессор Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, Россия, г. Рязань

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; член Экспертного Совета Комитета по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации; почетный работник сферы образования Российской Федерации, Россия, г. Москва

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович – доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

МИХАЙЛЕНКО Александр Николаевич – доктор политических наук, профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

МУРАВЫХ Анатолий Иванович – доктор экономических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

НАЗАРОВ Александр Данилович – доктор исторических наук, профессор, зам. руководителя кафедры по научной работе Московского авиационного института, Россия, г. Москва

НЕСТЕРЧУК Ольга Алексеевна – доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

ОЖИГАНОВ Эдвард Николаевич – доктор философских наук, кандидат юридических наук, профессор, начальник отделения внешнеэкономической деятельности Института космических технологий Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

ОРЛОВ Игорь Борисович – доктор исторических наук, профессор, заведующий Научно-учебной лабораторией исследований в области бизнес-коммуникаций, заместитель руководителя Департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия, г. Москва

САВИНОВ Леонид Вячеславович – доктор политических наук, декан факультета государственного и муниципального управления Сибирского института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Новосибирск

СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

ЯВЧУНОВСКАЯ Регина Анатольевна – доктор политических наук, Гран-доктор философии Европейской Информациологической Академии, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

Academic journal
“Eurasian Union: Issues of International Relations”
Volume 10, Issue 6 (40), 2021

Established by LLC “Publishing House “Science Today”.
The journal has been registered by the Federal Service for the
Oversight of Mass Media, Telecommunications and Protection of Cultural
Heritage, registration number PI No.FC77-50417 of June 29, 2012.

The journal is included in the database of
the Russian Science Citation Index.

Academic papers published in the journal
undergo obligatory editorial checking.

Computer-aided makeup by *Antsiferova A.S.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.

No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:
10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598
Tel: (910) 463-53-42
www.evrazsouz.ru
E-mail: evrazsouz@yandex.ru

Signed for printing on 24.12.2021
Format 60x84/16. Offset paper.
Offset print. Number of printed sheets
Circulation 500 copies. Order
Printed at the LLC “Bely Veter”
Str. Shchipok, 28, Moscow, Russia, 115054
Tel.: (495) 651-84-56

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Научный журнал «РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

Журнал включен в базу РИНЦ.

Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

Научный журнал «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,006

Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru

Научный журнал «ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ»

Журнал издается совместно с Институтом современной политики РУДН. Издание нового научного журнала призвано восполнить пробелы развития политической теории и решить проблемы популяризации политической науки в научных и учебных заведениях, а также дает дополнительную возможность многим учёным представить на суд научной общественности свои исследования и организовать дискуссии по актуальным проблемам современной политики.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1, 489

Интернет-ресурс: www.voprospolitolog.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:

voprospolitolog@yandex.ru

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал
«Евразийский Союз: вопросы международных отношений».
Стоимость подписки можно узнать в каталоге
Агентства «Роспечать» в любом отделении связи.
Индекс издания – 81039

			ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»											
			АБОНЕМЕНТ на журнал									81039		
Евразийский Союз: вопросы международных отношений														
			Количество комплектов											
на 2021 год по месяцам														
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)														
Кому _____														
						ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА								
ПВ			место литер			на журнал								
						81039								
Евразийский Союз: вопросы международных отношений														
Стоимость			Каталожная услуга почты									Количество комплектов		
			Полная											
на 2021 год по месяцам														
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)														
Кому _____														